

ТРИ ЦВЕТА НОЧЬ

Екатерина Невакина

Екатерина Александровна Неволина
Три цвета ночи
Серия «Пленники сумерек», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=298512

Три цвета ночи: Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-39780-8

Аннотация

Ночь. Сначала она была белой, еще не забывшей о том, что такое день, затем окрасилась в алый – цвет тревоги, цвет крови, – и вот, наконец, тьма сгустилась. Теперь весь мир вокруг меня – черный. Смерть идет по моим следам, и никто не подскажет дорогу сквозь беспросветный мрак. Только мое собственное сердце, только моя любовь. Но выдержат ли они это испытание?..

Содержание

ПРОЛОГ	4
Часть I	14
Глава 1	14
Глава 2	25
Глава 3	40
Глава 4	65
Глава 5	81
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Екатерина Неволина

Три цвета ночи

*Автор выражает благодарность
своим первым читателям и консультантам
Несс и Дерку. Пусть солнце всегда будет
обращено к ним своей светлой стороной.*

ПРОЛОГ

Он стоял среди идущей толпы, рассекая ее, словно отточенный нож, – черноволосый парень в грубой рокерской куртке и потрепанных джинсах. Люди инстинктивно обходили его. Ни один не задел локтем, не толкнул в спину. И только изредка кто-нибудь из прохожих вдруг оборачивался, чтобы взглянуть на эту странную, застывшую каменным изваянием фигуру.

Он смотрел на растекающийся по небу закат. Солнце исходило кровью, умирая на алтаре приближающейся ночи. Так происходило изо дня в день. Из года в год. Он видел уже десятки, тысячи таких закатов. И тем не менее сегодняшний был совершенно особенным. Первый закат после долгих десятилетий, проведенных на чужбине...

Парень жадно втянул ноздрами воздух. Как давно он не чувствовал этот пьянящий запах! Он уже почти забыл его,

как и многое другое, откинув все бесполезное ради одного дела. Ради того, что являлось для него самым важным и стоило дороже, чем горстка старых, рассыпавшихся пеплом воспоминаний, дороже, чем жизнь.

Этим делом была Охота. А он – лучшим Ловчим Ее королевского Величества.

Они прибыли в этот город прошлой ночью. Он и королева со своей малочисленной свитой, и теперь находились на территории врага.

Город принадлежал тем – другим, разметавшим свои щупальца-Дома, словно моровую язву, по мегаполисам всего мира. Они считали, что могут жить среди людей, и действительно проникли в человеческое общество, как проникают в организм раковые клетки.

Его народ честнее. Он не придумывает красивых слов, чтобы скрывать за ними не слишком приглядные намерения. Он называет все своими именами. Охоту – охотой. Кровь – кровью. Пищу – пищей.

Его народ – это истинные дети ночи, а не такие, как те вымороченные бледные тени, позабывшие о том, что такое Охота, чей нюх притупился настолько, что они уже не могут отличить по запаху своих новых братьев.

Ловчий брезгливо поморщился – он не мог представить себе более жалкого зрелища.

Под ногами лежала булыжная мостовая – почти такая же, как когда-то... Давным-давно... Тревожно гудели, перегова-

ривались колокола.

Дин-дон,
Где твой дом?

– явственно звучало в их раскатистых мощных голосах.

Круг замкнулся. Он вернулся в то место, откуда и пришел когда-то. Если все получится, они отвоюют этот город.

Колокола уже не звонили, но отзвук еще долго – и совсем осязаемо – висел в неподвижном воздухе.

Ловчий улыбнулся и мимоходом коснулся своего счастливого амулета. Старый серебряный крестик всегда приносил ему удачу.

Забавно, многие из братьев боялись этого символа как огня. По мнению Ловчего, весь вопрос был в вере. Он не задумывался, не пытался анализировать, он знал, что крестик, который был с ним с незапамятных времен, не мог причинить ему вреда.

– Я вернулся, – сказал Ловчий городу и, влившись в толпу, зашагал по мощенной крупным булыжником площади.

Примерно через час ему была назначена высочайшая аудиенция.

– Моя королева, – Ловчий церемонно склонился перед высокой медноволосой женщиной и почтительно поцеловал

край ее платья.

Для него это платье всегда оставалось белым, несмотря на всю пятнающую его грязь. Он просто не замечал таких мелочей, ведь она – его госпожа, его королева.

Женщина была удивительно красива: рассыпанные по плечам в беспорядке тугие медные кудри, огромные, пронзительные зеленовато-карие глаза. Если заглянуть в эти глаза, казалось, будто стоишь на краю глубокой пропасти, опасной и манящей одновременно. Они были так хороши, что смотреть в них было почти невозможно. Слишком больно, слишком ярко, слишком... опасно. Одета она была в белый кожаный корсет и сетчатую юбку – кое-где порванную, кое-где заляпанную застаревшими пятнами крови и украшенную по подолу увядшими бордовыми розами.

Женщина милостиво улыбнулась и протянула ему узкую белую руку, но тут же резко отпрянула.

– Сними! Сейчас же это сними! – взвизгнула она. – Я говорила тебе никогда не приходить ко мне в ЭТОМ!

Ловчий склонил голову и с неохотой стащил с шеи засаленный шнурок, на котором покачивался потемневший серебряный крестик, посмотрел на него и спрятал в задний карман старых джинсов с обтрепанными по низу буквально в лапшу брючинами.

– Прости, моя королева.

Они находились в небольшой комнатке, похожей скорее на заброшенное подсобное помещение. Стены, выкрашен-

ные ярко-синей краской, давно облупились, на когда-то белой, а теперь серо-желтой штукатурке темнели уродливыми струпьями пятна сырости, а посреди потолка свисала на оголенных проводах одинокая разбитая лампочка. Пол в комнате был покрыт грязно-желтым истертым линолеумом. Обычная подсобка, если бы не висевшее на дальней стене огромное зеркало в массивной раме, представляющей собой переплетение виноградных лоз, отягощенных пышными гроздьями ягод, и гибких веток, сплошь усыпанных некрупными дикими розами. Это роскошное зеркало в позолоченной раме, казалось, только сильнее подчеркивало вызывающую нищету комнаты.

Однако ни женщина, ни мужчина, похоже, не замечали убогой обстановки и держались, словно присутствовали на приеме в сверкающем золотом и хрусталем королевском дворце.

Рыжеволосая села на старый, вылинявший стул так, будто это был трон, вырезанный из слоновой кости и инкрустированный белым золотом и драгоценными камнями.

Ловчий устроился у ее ног, и она положила руку ему на голову, ласкающим жестом провела по стянутым резинкой черным волосам.

– Мой верный Там Лиин, – сказала королева голосом звучным и тягучим, как густой вересковый мед, как старинные напевы, – ты найдешь ее? Ты найдешь ее для меня?

– Я пойду по следу. Она не скроется от нас, моя королева.

Недаром меня называют Королевским Ловчим. Скажи, как я ее узнаю?

– По крови, по ее крови, которую ни с чем не спутаешь. Вот, попробуй. – Она протянула Ловчему маленький флакончик, оплетенный тонкой, как паутинка, золотой сеткой. – Открой его. Там – древняя кровь. Та самая, что течет теперь и в ее жилах. Ты узнаешь ее по крови, а еще – по той силе, которой она обладает. Найди ее скорее, мой рыцарь!

Ловчий почтительно принял из рук королевы драгоценный флакон и с трудом открыл притертую, казалось, на смерть крышку. Даже под грубой кожаной курткой было заметно, как напряглись его мышцы.

– Осторожней! – остановила его королева. – Смотри не пролей!

Ловчий осторожно наклонил флакон, и густая темная капля медленно упала на его подставленный палец.

Она, словно драгоценный камень, засверкала на белой коже, оттеняя и подчеркивая ее необычайную бледность.

Парень осторожно поднес палец к губам, прикоснулся к капле кончиком языка и застыл, прислушиваясь к собственным ощущениям.

– Это кровь ее предков, – сказала королева, следя глазами за каждым жестом Ловчего. – Теперь ты сможешь ее учуять и, главное, узнать на вкус. Только у нее – наследницы чистой линии – самая сильная кровь, и только она нам нужна. Если мы заберем девчонку к себе и ее способности проявятся, она

станет нашим оружием. Но будь осторожен. Должно быть, те тоже ее ищут. Начни охоту. Выбирай девушек, от которых исходит ощущение силы, и не бойся ошибиться: чем больше жизней ты выпьешь, тем легче нам будет загнать добычу. Она должна почувствовать опасность и скорее всего выдаст себя нам. Думаю, она и не подозревает о своих способностях и, во всяком случае, не сможет использовать их в полной мере.

Ловчий кивнул, подтверждая, что ее слова услышаны.

– Вот и хорошо. – На тонких губах королевы обозначилась улыбка. – Скорее всего ее удочерили. Древняя кровь обладает своей защитной магией, даже если ее носитель не осознает этого. Думаю, это темноволосая девушка со светлыми глазами, которой, – она на миг задумалась, – около семнадцати лет.

– Я сделаю все, моя королева.

– Ну что же, удачной охоты. Но смотри! – Королева вдруг вскочила, и старый стул с грохотом опрокинулся на пол. – Смотри, не смей предать меня! Если в твоей груди еще живо человеческое сердце, я без жалости вырву его вот этими руками!

Она рывком подняла Ловчего с пола – немыслимо было и предположить, что в этой худощавой, хрупкой на вид женщине скрывается столько силы, – и провела длинными, отточенными ногтями по его груди, открытой низким вырезом майки.

На бледной коже Ловчего появились кровавые дорожки. Словно красная метка, словно тайная клинопись.

– Я никогда не предам тебя, моя королева.

Она задумчиво кивнула.

Тем временем ранки на его груди затянулись и исчезли, будто их и не было, только на майке осталась случайно упавшая капля крови, впрочем, она уже почти была не видна на черной хлопковой ткани.

– Подойди туда, – королева указала ему в сторону старинного зеркала, – и скажи мне, что ты видишь.

– Но...

– Иди же! – нетерпеливо крикнула она.

Ловчий, ступая мягко и грациозно, будто готовый к прыжку барс, медленно приблизился к зеркалу, с полминуты смотрел в его холодную тусклую поверхность, а потом лицо его вдруг исказила ужасная ярость.

Он поднял руку и изо всей силы ударил кулаком по стеклу. Оно треснуло и брызнуло во все стороны дождем сияющих осколков. Однако Ловчий не остановился на этом, а продолжал бить и бить, пока на стене не осталась висеть лишь пустая безразличная рама. С его руки густыми каплями стекала на пол кровь.

– Ты разбил мое любимое зеркало, – холодно произнесла королева. – Ты знаешь, что ему уже более трехсот лет? Думаешь, сейчас легко найти такое?

Он повернулся к ней, и ярость медленно, как грим, стекла

с его лица.

– Прости, моя королева.

– Простить?! – Мгновение – и она оказалась рядом, прижав его к стене. – Почему ты никак не хочешь смириться с тем, кто ты есть? Почему ведешь себя как глупец! Ты вампир – дитя ночи, а еще ты – мой лучший охотник! Королевский Ловчий!

От ярости и запаха крови ее ноздри трепетали, а во рту сами собой показались клыки.

Ловчий смотрел на нее, готовый принять любое ее решение.

Он ей нужен. Несмотря ни на что. Он – лучший, заменить его гораздо труднее, чем зеркало. И она отступила.

Под высокими каблуками ее ботфорт, еще помнящих о былом изяществе, но уже непоправимо изношенных, хрустнули серебристо-красные осколки.

Ловчий снова опустился на колено, не обращая внимания, что стоит прямо на разбитом стекле, и уткнулся головой в ее сетчатую юбку.

Он молчал.

– Я тебя прощаю. Я не могу не простить тебя. – Королева обвила руками его голову. – Думай о ней. Думай о своей жертве. Доверься инстинктам. Ну же, думай! Я тебе помогу.

Он закрыл глаза, целиком сосредоточившись на своих мыслях. Улицы города послушно расстилались перед его мысленным взором, словно ковровая дорожка. Он искал ее.

Ту единственную, ради которой была начата эта охота. Ту единственную, которую ждала его королева.

– Ты найдешь ее! Я чувствую, что найдешь! – воскликнула королева.

– Я посвящу эту добычу тебе, – сказал Ловчий, поднимая голову, и она прижалась губами к его губам.

Тем временем ее белые руки отцепили с помятой юбки одну из мертвых роз и прикололи к его майке. Около сердца, там, где уже засохла маленькая капелька крови...

Часть I БЕЛЫЙ

Глава 1

Солнце светило прямо в глаза, и брызги, оставшиеся на металлических поручнях, сверкали, как тысячи бриллиантов. Переливались, слепили.

Я зажмурилась. Как хорошо, что мы все-таки решились на эту поездку.

– Смотри, не обгори! – окликнула меня мама. Это я умею. Что делать, если моя кожа такая белая, что одноклассники прозвали меня кто Белоснежкой, а кто призрак.

– Ага, постараюсь, – лениво отозвалась я.

В такой замечательный теплый день не хотелось даже говорить. Только нежиться под солнцем, слушать плеск волн, разрезаемых острым носом нашего теплохода, и пить холодные коктейли.

Кстати, хорошая идея. Это я о том, чтобы выпить чего-нибудь холодненького. Только вот идти неохота. А еще там этот типечно торчит. Бармен. Первый красавец на борту. Нет, не пойду.

– Мам, пап! Колу со льдом мне возьмете? – спросила я,

лениво приоткрывая один глаз.

Мимо проплывали высокие песчаные берега, поросшие старыми крепкими соснами. Солнце золотило их красноватые стволы, и это было так красиво, что мне вдруг захотелось плакать. Прав папа, хорошо на Волге. И круиз получился ничем не хуже какого-нибудь средиземноморского...

– Погоди минутку, видишь, мы немного заняты, – ответил папа.

Во-первых, вовсе не вижу. Если кто не заметил, я стою к ним спиной. А во-вторых, все равно прекрасно знаю, что заняты они картами. Подумаешь, занятие.

– Ну и ладно, сама возьму, если уж мне достались такие жестокие родители, – бормочу я, уже, впрочем, смирившись со своей тяжелой судьбой и медленно бредя к бару.

– И мне колы захвати! – кричит вслед мама.

Ну конечно, вечно так. Как идти за чем-то – всегда мне. Хотя, разумеется, это пустяки. Разве стоит расстраиваться по мелочам? Правильно, лучше расстраиваться из-за чего-то глобального. Например, из-за того, что от лета остался уже совсем малюсенький кусочек – ну как от стареющей луны, когда на небе висит тоненький серебряный серпик и даже не верится, что недавно она была большой и круглой. А еще – из-за школы. Вернее, из-за одноклассников. Я учусь в частной элитной школе в классе с гуманитарным уклоном. И, если бы ни возможность серьезных занятий и перспективы поступления на журфак, перевелась бы куда-нибудь уже дав-

ным-давно. Дело в том, что у моей семьи самый низкий в школе социальный статус, а для нашего класса статус – это все. Честно говоря, надоели мне все эти мерения пальцами – у кого они сильнее растопыриваются. Да, моя семья не такая уж обеспеченная, но зачем делать из достатка культ. Типа у кого тачка самая крутая. И – ах, подумать только, – моему мобильнику уже целый год – старье какое! Терпеть этого не могу. А еще я просто ненавижу Виолу. Подумаешь, красавица. И имечко еще то! Мама вот сказала, что сыр такой есть. Плавленный.

Проходя мимо зеркальной двери, я остановилась, внимательно разглядывая свое отражение. И ничего нового, признаюсь, не увидела. За последний час моя фигура не стала лучше – коленки вон, как и раньше, торчат. И ребра, заметим, тоже. Интересно, спасет ли дело закрытый купальник? Может, все-таки переодеться?.. Волосы смоляно-черные, жесткие, как пакля... Хотя нет... волосы у меня еще ничего. Длинные и густые. Честно говоря, это лучшее, что у меня есть. Всегда считала, что самые хорошие снимки получаются, когда меня фотографируют со спины... Глаза... ну, ничего. Обычные серые глаза. Все-таки правильно, что я избавилась от того дикого цвета, из-за которого надо мной часто смеялись в младшей школе, – слава цветным контактными линзам! И как люди без них жили?..

В общем, вот так я и выгляжу. Худющая, бледная и черноволосая. Как говорит мама, заметная. А я, может, вовсе и

не хочу быть заметной. Кого, думаете, из всего класса чаще других спрашивают? А вот в любви мне как раз не везет. Ну и не надо. «Не обязана же я, в конце концов, всем нравиться!» – решила я и с этой мыслью шагнула в тень бара.

Бармен, улыбаясь, смешивал коктейль фигуристой красотке. Я пристроилась за ней, ожидая, когда он наконец сойдет до меня. Но загорелая девица в белоснежном, с золотым кантиком, купальнике целиком завладела его вниманием. И правильно, зачем меня вообще замечать?! Вот погибну от жажды, высохну в египетскую мумию прямо здесь, у стойки, в двух шагах от вожделенной колы – никто и не удивится, а то еще примет меня за предмет интерьера.

– Хм, – я попыталась покашлять (кажется, так делали в каком-то фильме, чтобы привлечь внимание), и – о радость! – бармен наконец соизволил перевести на меня глаза. Темно-карие, честно сказать, красивые и лживые ну просто донельзя. Я-то уже видела, что он не обделяет вниманием ни одну девицу. Разумеется, кроме меня. Я – исключение. А счастливое или несчастное – не суть важно.

– Привет, Полина (Ну надо же, заметил!)? Что пить будешь? Молочный коктейль?

Девица в белом мерзко хихикнула.

– Две колы со льдом. И побыстрее, – с достоинством произнесла я.

У меня хорошая школа – в обоих смыслах этого слова, – уж где-где, а в нашей легко освоить азы общения с обслужи-

вающим персоналом – небрежно снисходя до его уровня, но при этом четко обозначая свой.

– Не злись, уже наливаю, – бармен широко улыбнулся. Подумаешь, мистер неотразимость!

Я схватила холодные стаканы с колой и поспешно вышла наружу. А обернувшись у зеркальной двери, показала ему язык.

Бе-бе-бе! – бог со всеми этими мачо. Мне и без них хорошо.

– Мам, держи свою колу, – вручила я ей запотевший стаканчик, где в темно-коричневом напитке, словно айсберги, плавали уже начинавшие таять кубики льда.

Нет, мне, слава богу, не тринадцать лет, чтобы западать на всяких смазливых болванов. Уже почти семнадцать.

И мне никто, никто не нужен! Мне и одной хорошо!

С этой благодатной мыслью я вернулась на нос теплохода, облокотилась на перила – так, чтобы брызги попадали мне прямо в лицо, – и подставила спину солнцу. Защитный крем с фильтром давал мне надежду хоть немного загореть в это лето.

Ловчий, две недели спустя

– Синицына, а ты, пожалуйста, останься, – сказал тренер.

Высокая худенькая девочка в красно-черном спортивном костюме и красной трикотажной повязке, стянувшей длин-

ные черные волосы, тяжело вздохнула.

Они с подругами только что окончили длинную тренировку. Безжалостный тренер гонял их по всему залу на протяжении... ага, на часах 21:30... значит, ровно полутора часов. А баскетбол не такое уж легкое дело. Вот, вся спина мокрая. Попробуй намотай столько кругов. А левый кроссовок, похоже, немного трет. Больше всего ей хотелось скинуть обувь, раздеться и, встав под теплые струи душа, запрокинуть лицо, позволив воде смыть с себя всю грязь и усталость. Просто стоять и ни о чем не думать.

Но не тут-то было.

Веснушчатая Настя сочувственно взглянула на подругу.

– Ну все, сейчас посчитать будет, – прошептала она одними губами, и девочки, болтая и смеясь, скрылись в раздевалке.

После тренировки, в пропотевшей насквозь майке, стоять на сквозняке было холодно.

Ира тоскливо посмотрела под ноги, на выкрашенный темно-бордовой краской дощатый пол и зябко повела худыми плечами.

– Почему пропускаешь? – спрашивал меж тем тренер. Невысокий, с большими залысинами, он тем не менее умудрялся выглядеть действительно угрожающе. – Вот скажи, где ты была вчера?

– Я болела, Виталий Степанович, – бросила девочка и опять повела плечами.

Ей хотелось обхватить себя руками и согреться. Чертов

сквозняк! Чертов баскетбол! А еще так и кажется, будто в спину кто-то упорно смотрит.

Она даже оглянулась. Понятно, никого. Кто, кроме нее, станет торчать в школе в это время?

Нормальные ребята давным-давно уже тусуют где-нибудь. На худой конец сидят дома. Или в Интернете...

– И половину занятий в прошлом году ты тоже проболела? – продолжал допытываться тренер, теребя в руке свисток, висящий на длинном засалившемся шнурке. – У нас сентябрь на дворе, учебная четверть только-только началась. А ты, Синицына, опять за старое.

– А что, Виталий Степанович, если у меня слабое здоровье?.. – Ира уже жалела, что родители отдали ее в эту мерзкую – да, именно мерзкую! – школу. Баскетбол, тренажеры, витаминные коктейли... и никакой личной жизни!

– Ну меня-то обманывать не надо. Ты понимаешь, что этим обманываешь только себя? Спорт не прощает лени. Хочешь быть первой – трудись!

Хорошо Виталию Степановичу. На нем теплый спортивный костюм, и спину его не буравит взгляд воображаемого маньяка.

Девочка переступила с ноги на ногу.

– Не хочу я быть первой, – отмахнулась Ира. – Я и так достаточно тренируюсь, а еще по урокам много задают...

– Ты это такой настрой брось! Чтобы всерьез взялась за дело! – Тренер взглянул на часы и немного сбавил тон: – Лад-

но, иди. Что-то холодно тут. Наверное, кто-то форточку открытой оставил. И постарайся все же собраться. Твои родители хотят, чтобы ты чего-то достигла, и я уже говорил, что вижу в тебе прекрасный потенциал. Не растрать его попусту.

– Хорошо, – охотно кивнула она, обрадовавшись, что чтение нотаций наконец завершено.

Тренер посмотрел на нее с сомнением, но лишь махнул рукой и пошел к себе.

А девочка поспешила в раздевалку. Подруги, конечно же, были уже полностью одеты.

– Подождите меня, ну имейте совесть! – жалобно проговорила Ира, все еще ежась от сквозняка, который, казалось, преследовал ее.

– Ир, ты знаешь, я бы с удовольствием, но у отца день рождения, а Степаныч нас опять задержал... Меня и так дома убьют, – не глядя на подругу, принялась оправдываться Настя.

Ее рыжие волосы были заплетены в две тугие косички, заодно торчавшие по обе стороны белокожего веснушчатого лица.

– А чего ты боишься? Неужели тебя Степаныч домогался? – захохотала дылда Светка.

Девочки дружно прыснули.

– И не мечтайте. – Ира развернулась и пошла в душ.

Когда она помылась, в раздевалке уже никого не было. Почему-то ей снова стало страшно. Кое-как причесавшись, Ира

влезла в джинсы, накинула легкую курточку и выскочила из раздевалки. Красная спортивная повязка так и осталась одиноко лежать на скамейке.

Девочка шла по пустому коридору, слушая эхо собственных шагов.

Воображение играло с ней жуткие шутки. В темных углах (а освещение в школе уже, разумеется, пригасили) ей мерещились чьи-то тени. Ей так и казалось, будто тьма движется, копошится, скрывая что-то неведомое и страшное. Нервы были напряжены до предела.

Тут под ногами что-то хрустнуло. Ира едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть. Наклонилась... Осколки... Надо же, весь пол усыпан осколками! Кто-то разбил висевшее на стене зеркало.

– Фигня. Надо меньше ужастиков смотреть, – громко сказала она сама себе, чтобы немного успокоиться.

Однако голос ее прозвучал в пустых коридорах как-то особенно тонко и жалко. А когда откуда-то послышался легкий скрип, сердце забилося, словно пойманная бабочка в ладонях.

Ира на минуту закрыла глаза и постаралась взять себя в руки.

Ей уже почти семнадцать. Она достаточно взрослая и уверенная в себе, это мелюзга пусть пугается всякой тени.

Но все-таки, когда впереди показался квадрат света, вырывающийся из каморки охранника, она с облегчением

вздохнула. Чертова школа! Чертов баскетбол! Чертов Степа-
ныч! Вот не пойдет она на следующую тренировку. Не пой-
дет – и все.

Эта мысль неожиданно успокоила ее, и Ира, негромко
мурлыкая под нос незатейливую песенку, двинулась к выхо-
ду.

А у выхода...

У выхода она увидела охранника. Вернее, его руку, тор-
чавшую из-под двери маленькой каморки.

Она вдруг четко разглядела все: рыжие жесткие волосы на
этой руке, электронные часы на толстом серебристом брас-
лете. На часах, словно маленькие алые бусинки, застыли ка-
кие-то темные брызги.

Кажется, она закричала. А может, нет. Время вдруг, блес-
нув черно-металлической змеей, свернулось в тугой клубок,
будто связав ее по рукам и ногам.

Следующим, кого она увидела, был черноволосый парень
в подранной кожаной куртке и обтрепанных в лапшу гряз-
ных джинсах.

– Ну, здравствуй, Красная Шапочка! Я твой волк, – ска-
зал незнакомец и усмехнулся – и вправду хищно, как-то по-
волчьи.

Девочка с ужасом увидела его белоснежные зубы и стран-
ные, нечеловеческие глаза, смотревшие на нее совершенно
безумно.

Больше она уже ничего не успела.

Выйдя из здания школы, Ловчий поправил кожаную куртку. Примесь древней крови в девчонке оказалась невелика. Это явно не могла быть та, которую они ищут. Но он и не ожидал многого от начала охоты. У них пока еще есть время.

Глава 2

Я, кажется, уже упоминала, что ненавижу своих одноклассников? Так вот, не поленюсь повториться: не-на-ви-жу. Скажете, я сама виновата и мне не надо было вступать в конфликт с сырной Виолой прямо первого сентября? Да ладно, повторите то же самое, оказавшись на моем месте. А до этого – уж извините, я вам никак не поверю!

Дело в том, что с седьмого класса я веду видеопередачу, каждую четверть транслируемую по внутришкольному каналу. Мы работаем вместе с Димкой Фроловым. Димка – прекрасный оператор. Он снимает на камеру и сам монтирует. Я придумываю сюжеты и беру интервью.

Виола тоже пробовала себя в роли телеведущей. Признаюсь, в кадре она смотрится довольно неплохо... хотя с таким носом я бы, наверное, комплексовала. Ладно, проехали. Не о том речь. В общем, красота красотой, а иметь в голове хоть какие-то мозги надо. За все время она нарыла лишь пару-тройку глупых сюжетиков. Да и те получились как-то наперекосяк.

Состроит перед камерой томное лицо, закатит глаза, надует подкрашенные блестящей помадой пухлые а-ля Анджелина Джоли губки и эдаким прочувствованным голосом заворкует:

– Последним писком этого сезона стали удлиненные пер-

чатки «фингерлес» (ну и название, наверное, целый день заучивала). У этих удивительных перчаток нет пальчиков, зато есть манжеты, и они изумительно подчеркивают красоту женских рук, что я вам сейчас и продемонстрирую... У меня таких в гардеробе целых пять пар. И все, разумеется, от ведущих кутюрье.

Ну и дальше все в том же роде. Когда она брала интервью, как-то само собой оказывалось, что в кадре на первом плане везде была она. В общем, что бы Виола ни делала, все было о ней и для нее.

Терпеть не могу! Дело, собственно, даже не в том, что мы с Виолой ненавидим друг друга с первого класса, а в том, что такое поведение недопустимо для журналиста! Настоящий журналист, беря интервью, должен максимально раскрыть личность своего собеседника, показать его с разных сторон, может быть, помочь открыть в нем что-то неведомое даже ему самому. Это, конечно, не всякому под силу. Но у меня же есть надежда, правда?.. А Виола пусть себе танцует или блистает в театральной студии. Можете считать меня занудой, но каждый должен заниматься своим делом.

Впрочем, я что-то заболталась, вернусь лучше к событиям первого дня занятий.

Меня и Димку освободили от участия в торжественной школьной линейке. Вернее, мы должны были присутствовать на ней в ином качестве, чем остальные ученики школы, – а именно как бесстрастные летописцы событий.

Каждый раз перед первым сентября я почему-то ужасно волнуюсь. А еще надеюсь на чудо – вдруг что-нибудь да изменится?..

В это утро я проснулась за час до будильника и уже не смогла заснуть, вышла на балкон, прямо босиком, ощущая под ногами холод плитки, и долго стояла, глядя на восходящее солнце. С высоты семнадцатого этажа зрелище, я скажу, необыкновенное. Зря ребята считают, что высокий этаж – непрестижно. Зато красиво. И к небу ближе. Вот оно – уже разбуженное солнцем, зарозовевшееся, яркое...

Потом был утренний кофе, от волнения пролитый на любимую черную юбку. Пришлось срочно искать замену. Хорошо, что у меня есть похожая, темно-серая. С приталенной белой блузкой на молнии смотрится вполне прилично. Журналист должен выглядеть красиво, но притом строго и серьезно. Черные лаковые туфельки на среднем каблучке завершили образ представителя массмедиа... Ну, будущего представителя, если уж быть честной.

Джим уже давно тыкался мокрым носом мне в руку и крутился вокруг, приглашая на прогулку. Я вздохнула, надела на него ошейник и повела во двор.

– Мы сегодня недолго, – предупредила я, и он радостно завилял хвостом.

Я принесла Джима домой, когда он был крохотным лупоглазым щенком со свалывшейся шерстью и пораненной лапкой. Кто же думал, что из него вырастет такое большое и лох-

матое чудище! Честно сказать, самое обаятельное, доброе и дружелюбное чудище в мире.

Подождав, куда Джим сделает свои собачьи дела, я затем отвела его в квартиру. Папа, который сегодня обещал подвезти меня до школы, уже с нетерпением поглядывал на часы.

Я крикнула маме, что мы с Джимом вернулись.

– Уже иду! – тут же откликнулась она. – Сама помою ему лапы. А вы выходите, пора.

Ну да, школа... линейка и первое ответственное задание...

– Дай, Джим, на счастье лапу мне!¹ – сказала я, и Джим с охотой протянул мне грязную лапу.

Я осторожно пожала ее. Пусть это и вправду будет на счастье!

...День выдался солнечный, на деревьях в школьном дворе уже появились первые золотые листья, только подчеркивающие их праздничную зелень, как подчеркивают темно-каштановый цвет волос несколько седых волосков на голове у мамы. Правда, смешно, но каждый раз, когда я после летних каникул снова ступаю на этот двор, мое сердце начинает взволнованно биться. Тем более что вести репортаж с торжественной линейки мне поручили впервые. Раньше это всегда делала Вера. В прошлом году она закончила школу, и

¹ Строка из стихотворения С. Есенина, посвященного собаке Качалова.

теперь мне надлежало стать ее преемницей.

Журналистский кружок в нашей школе – это серьезно. Курсирует его Лена, студентка пятого курса журфака МГУ. Кроме того, у нас читают лекции некоторые профессора из университета, проводятся встречи с популярными ведущими и другими представителями медийной сферы. Так что одним из достоинств нашей школы является то, что мы уже сейчас работаем над своим профессиональным образованием. И именно поэтому, несмотря на все сложности, я продолжаю здесь учиться.

– Полинка, привет! – крикнула мне Вика из параллельного математического класса.

Мы часто с ней болтаем, когда есть время. Жаль, что она не в нашем классе. Я с интересом оглядела ее. Надо же, как загорела! До черноты! И какой интересный сарафанчик! Если вы знакомы с Викой, можно не посещать показы мод, не заглядывать в модные журналы, выискивая последние тенденции, – достаточно просто ориентироваться на нее.

Заметив, что я ее разглядываю, Вика картинно повернулась, позволяя полюбоваться собой.

– Класс! – засмеялась я и выставила вверх большой палец.

– А вот и я!

Кто-то хлопнул меня по плечу так, что я даже вздрогнула. Ну конечно, Димка! Еще больше вытянулся за лето! Темно-русые волосы, зеленые глаза – красавчик! Интересно, и

почему я в него не влюбляюсь?..

– Ты загорела, – это он мне. – Красиво.

Я чуть не расхохоталась: как ни загорай, я все равно выгляжу бледной немочью и скорее обгораю, чем загораю. Так что назвать меня загорелой, тем более когда я стою рядом с Викой, мог только слепой.

– Димка, ты не к той обращаешься! – хмыкнула я. – Вот Вика действительно загорелая, а я...

– А тебе и так идет, – возразил Фролов.

Ну Димка! Ну дипломат!

– Ладно, я пошла. Не буду вам мешать, – промурлыкала Вика, хитро мне подмигнув.

И почему все считают, будто мы с Димкой – пара?! Ну, подумаешь, держимся вместе – так это потому, что у нас интересы совпадают. Попробуй найти такого суперского оператора, как Фролов!

Мимо меня, едва кивнув, прошествовали Кристина и Миша из десятого «а» – вот это уж действительно парочка! Все время за ручку, глаз друг от друга не отводят.

Чтобы я когда-нибудь так же?! Да ни за что!

– Привет! Как лето? – кричали друг другу ребята, и мы с Димкой тоже влились в этот мельтешащий переменчивый хоровод.

Вдруг что-то, будто бритва, полоснуло меня по лицу. Я оглянулась и заметила Виолу. Увидев, что я на нее смотрю, она отвела взгляд и громко рассмеялась в ответ на какую-то

Наташкину фразу. Наташка, или Натали, как она себя называет, – лучшая Виолина подружка и ее персональный фанклуб в одном лице. Вот таких подружек Виоле и надо – других она просто терпеть не может.

– Ну что, сейчас начнется, – улыбнулся мне Димка, расчехляя камеру. – Не дрейфь – прорвемся. – И он на мгновение сжал мои холодные от волнения пальцы своей горячей, как огонь, рукой.

И тут же снова занялся камерой, избегая смотреть мне в лицо. Он вообще-то хороший и добрый, а то, что малоразговорчивый, – это ничего. И за камерой он прячется не от злой нелюдимости, а от смущения.

Ох, Димка...

Какая-то недоговоренность в наших отношениях появилась только в прошлом году, когда он вдруг стал меня стесняться. Наверное, я и вправду ему нравлюсь...

Ну а потом началась линейка, и я уже ни на кого не обращала внимания.

После линейки мы отправились по классам – брать интервью. Все шло прекрасно. В младшей школе нас встретили буйным визгом и целой лавиной летних впечатлений. Малыши, волнуясь и перебивая друг друга, наперебой рассказывали о себе и своих нехитрых делах. Я слушала их, и на душе становилось светлее – будто в сердце зажгли маленький смешной светильник, а глядя на их счастливые мордашки,

мне самой хотелось смеяться. Неужели я была такой же?

Средняя и старшая школа находилась в двухэтажном здании, отделенном от раскрашенного в веселенькие желто-оранжевые тона корпуса младшей школы маленьким сквериком.

Мы с Димкой медленно шли по нему, любуясь просвечивающими сквозь негустую листву лучами. Как красивы листья, пронизанные солнечным светом! Вот так бы стояла и смотрела на них! Фролов молчал, уставившись себе под ноги. Я тоже ничего не говорила, чтобы не нарушать очарование этого удивительного, будто прозрачного, утра. Первого утра осени.

Но скверик, увы, не бесконечен. Как ни медли, две минуты – и мы уже стоим у двухэтажного здания с красной крышей. Здесь расположена средняя и старшая школы.

Что ни говори, люблю брать интервью у малышни. В них нет еще снобизма. Дети как дети. А придешь в наше здание, начинается: «Ну что вы, как я понимаю, новой машиной так и не обзавелись, да?», «Ты была на курорте Ля Боль?² Там так миленько!.. Ой, прости, совсем забыла, что твоя семья не может позволить этого себе. А вы куда ездили: в Турцию или в Египет?»

В общем, достали. Хотя я на них не слишком обижаюсь:

² Ля Боль – модный светский курорт на юге Бретани, на Атлантическом побережье Франции.

надо же им как-то себя проявлять. Что делать, если по-другому ничем из толпы не выделиться?

В средней школе все прошло на ура. Нас с Димкой угощали конфетами и рассказами о поездках и приключениях. Кто-то побывал в Лондоне, кто-то посетил Гоа... Все это изливалось на меня потоком – порой я даже и спрашивать-то не успевала.

Поднимаясь на второй этаж, я постаралась придать лицу спокойное выражение и поклялась, что ни один гад на свете не выведет меня сегодня из равновесия.

– А теперь мы узнаем, как провел каникулы одиннадцатый класс и что ребята ожидают от последнего учебного года, – говорила я в камеру, открывая дверь нашего класса. Моя рука немного, совсем незаметно, дрожала.

Ручка двери оказалась с обратной стороны измазана мелом. Ну, это, можно сказать, маленькая пакость. Хорошо, если ею все и ограничится.

Все сидели на своих местах. Слишком тихо – учитывая то, что в классе не было учителя. Что-то определенно не так. Предчувствия еще никогда меня не обманывали, но отступить было поздно, поэтому я постаралась придать лицу беззаботное выражение.

– Привет, ребя... – начала я и вдруг поскользнулась и, нелепо взмахнув руками, с грохотом упала.

– Вот что я называю эффектным появлением, – раздался в тишине голос Виолы.

Грохнувшись на паркет, я разодрала колготки и в кровь разбила коленку. Больше всего мне хотелось сейчас заплакать, но я сдерживалась изо всех сил: нельзя показать этим уродам, что мне больно и плохо. Обойдутся.

Димка осторожно положил дорогостоящую камеру на стол и устремился ко мне на помощь.

Тем временем меня окружили ребята.

– Нетвердо стоишь на ногах, Светлова, – укоризненно произнес Олег Бергов, высокий рослый мальчик, лидер нашего класса.

Я сидела на полу и из последних сил удерживала подступившие к глазам слезы. Упала я не просто так: пол в этом месте был натерт чем-то вроде растительного масла.

– А вот и первая кровь, пролитая на службе Отечеству. Недаром говорят, что профессия журналиста опасна, – упражнялась в остроумии Натали.

– Заткнись, – сухо бросил ей Димка и стал поднимать меня с пола.

А ведь действительно больно!

– Фролов, где твоя вежливость? Ты что, не уважаешь в Натали личность? – пропела Виола. Я прекрасно видела, какие у нее довольные глаза – словно у лисы, вдоволь наевшейся нежной курятинки. – Неужели забыл школьные правила? Ознакомься с ними, пожалуйста.

Димка только скрипнул зубами и бросил на Виолу такой яростный взгляд, что даже странно, как она не превратилась в горстку пепла.

– Расступитесь, – командным голосом приказал Димка и вывел меня за дверь, придерживая под локоть.

Хромала я весьма ощутимо.

Когда мы добрались до рекреации (в этот час там было пусто – по всей школе шли собрания, посвященные началу учебного года), я села в мягкое кожаное кресло, стоявшее под дурацкой развесистой пальмой, и наконец разрыдалась.

– Болит? – сочувственно спросил Димка.

Но плакала я, разумеется, вовсе не из-за коленки.

– Ну почему, почему они так?! Что я им сделала?! – почти кричала я сквозь слезы.

Фролов присел передо мной на корточки, глаза его были полны сочувствия.

– Ты же знаешь Виолу, – мягко сказал он – Она хочет во всем быть первой, и ей не нравится, если кто-то не признает ее авторитет. Вот если бы ты подлаживалась под нее, она бы даже оказывала тебе покровительство.

– Очень нужно, – буркнула я, утирая слезы ладонью, и тут же поняла, что делаю еще хуже, размазывая по лицу мел.

Небось выгляжу сейчас как настоящий клоун!

Эта мысль вызвала новый приступ рыданий.

А Димка все смотрел на меня и уговаривал успокоиться.

Наконец я отрыдалась. Стало легче.

– Посиди пока здесь, – предложил Фролов, – я сейчас...

– А ты куда? – любопытствовала я, как оказалось, весьма вовремя.

– К директору, – ответил Димка. – Пусть Светлана Дмитриевна сама во всем разбирается.

Вот тут-то мне стало действительно страшно.

– погоди! – закричала я. – Не надо Светлану Дмитриевну! Ты только хуже сделаешь! Ты что, хочешь, чтобы ребята меня окончательно затравили? Не ходи!

Димка остановился.

– И... что делать? – нерешительно спросил он.

– Как что, брать интервью у одиннадцатого класса. Сейчас, я только умоюсь.

– Ты уверена? – Он снова присел передо мной на корточки. – Может, не стоит сегодня...

– Стоит, – я тихо вздохнула. – Не хочется, но стоит. Иначе они подумают, что сломали меня. А еще... я сама себя уважать не смогу...

Я осторожно встала.

– Помочь? – спросил Димка.

– Нет, сама как-нибудь до туалета доковыляю. Журналистика – и вправду опасная профессия.

– Ну давай, а я пока за камерой сбегая. Не люблю оставлять технику без присмотра...

Он ушел, а я медленно поковыляла в сторону туалета.

Зрелище, представшее передо мной в зеркале, вовсе не

подняло мне настроения.

Лицо мое и вправду было все в меловых разводах, глаза красные... Кстати, плакать с контактными линзами в глазах еще то удовольствие... Вылавливай теперь эту тонкую пленочку по всему глазу...

Кое-как приведя себя в относительный порядок и промыв ссадину на коленке, я глубоко вздохнула и приготовилась к предстоящему подвигу.

Как ни странно, второй заход прошел спокойно. Пол был вытерт, и все вели себя как ни в чем не бывало. Рассказывали о каникулах, грандиозных планах на наступивший год, изливали свою великую любовь к нашей замечательной школе и восхищение сложившейся у нас атмосферой дружбы и взаимопомощи.

Последнее, разумеется, повеселило меня особенно.

Когда все запланированные на этот день мероприятия подошли к концу, мы с Димкой отправились к Лене – руководителю журналистского кружка, чтобы вместе с ней посмотреть отснятые материалы.

Лена с удивлением оглядела мои порванные колготки и разбитую коленку, но, слава богу, ничего не сказала, и мы уселись в кресла, пока Фролов возился, подсоединяя к компьютеру камеру.

– Запускай, – скомандовала Лена, широко нам улыбнувшись.

Димка включил просмотр.

Вот пошла заставка и... сразу – интервью у одиннадцатого класса.

Почти весь отснятый материал будто испарился!

Лена вопрошающе посмотрела на нас:

– А где линейка и все остальное?

– Дим, разве ты использовал вторую кассету? – спросила я.

– Нет. – Он явно растерялся и принялся перематывать пленку в тщетной надежде отыскать утерянное.

И тут я все поняла. Это Виола! Кто еще?! Она стерла запись, пока Димка меня утешал в рекреации.

Я вскочила с кресла и, забыв про больную коленку, устремилась к актовому залу. Я знала, где ее искать в это время: репетицию в театральном кружке она уж точно не пропустит!

В коридоре мне попалась группа девочек, поспешившая убраться с моего пути. Наверное, я была похожа на взбесившуюся фурию, и они, от греха подальше, предпочли со мной не связываться.

Я влетела в актовый зал, громко хлопнув дверью.

На сцене полным ходом шла репетиция. Виола старательно кривлялась, в своей любимой манере воркуя что-то партнеру по эпизоду.

Взбешенная, я поднялась на сцену, подскочила к Виоле и у всех на глазах отвесила ей звонкую пощечину...

– Что с тобой, Полина? Тебе нехорошо? – удивленно

установилась на меня руководитель театральной студии Ольга Кузьминична.

Ее светлые, почти белесые брови приподнялись так, что совсем исчезли под челкой.

– Нет, теперь хорошо, – ответила я.

Ну а дальше было то, что было. Меня объявили виновной во всем, отчитали... хотя у нас это называется «провели разговор» у директора, а потом еще направили на консультацию к школьному психологу. Для того «чтобы разобраться с внезапно возникшими у меня приступами юношеской агрессии».

И как после такого любить эту школу?!

Глава 3

Бледный отсвет луны ложился на мои руки так, что кожа казалась белой-белой и мерцающей, как лед, как хрусталь. Длинные алые ногти... В тонких пальцах – нож с остро отточенным, почти прозрачным лезвием, целиком вырезанный из странного черного камня. Лунный свет падает на его гладкую, безо всяких узоров, рукоятку и превращается в яркую черную звезду. Смотреть на нее можно бесконечно. Я с трудом отвожу взгляд и только тут понимаю, что нахожусь на поляне, обозначенной по краю черными силуэтами деревьев. Каждое дерево похоже на ужасного, скрюченного человека, в немом отчаянии вздымающего к небу искореженные руки-ветви.

Вокруг тишина – такая же плотная, как эта странная ночь. Но отчего-то я твердо уверена, что кроме меня здесь есть еще некто...

Передо мной – огромный камень, покрытый черным бархатом, я касаюсь его рукой. Нет, это не бархат, а мох... На камне кто-то лежит, с головой накрытый легкой белой тканью. Мне страшно приподнять край этого странного савана, чтобы взглянуть лежащему в лицо, но я знаю, что сделать это придется.

– Пора! Сделай свой выбор, потому что час настал! – шепчет мне лес, и деревья по краю поляны вдруг приходят в дви-

жение, взволнованно качают скрюченными лапами и повторяют: – Пора... пора!..

Такое ощущение, что мое сердце вдруг уменьшилось, превратившись в маленькую черную жемчужинку, и в груди образовалась пустота.

Час настал, и я решительно сдергиваю покрывало.

На камне лежит девушка. Я знаю ее. Это Виола. Ее длинные темно-каштановые волосы разметались, тонкие черты красивого лица искажены ужасом.

Черный нож начинает нетерпеливо пульсировать, настойчиво бьется в мою ладонь: «Час настал, час настал!» Странно, он кажется мне и горячим, и холодным одновременно.

Я заносу руку для удара. Время пришло, и жертва должна быть принесена...

Но тут... тут лицо девушки будто плывет, меняется... О боги! Это же мое собственное лицо!

– Сделай выбор! Кровь за кровь! – шепчет и шелестит лес.

– Кровь! Кровь! – разносится по нему эхом.

Но я уже несусь сломя голову и не разбирая дороги. Только бы убежать с этой ужасной поляны!

Я бегу, но теперь окружает меня не лес, а высокие темные дома. Кажется, это улица какого-то города. Тишина, и только топот моих ног гулким эхом разносится по округе, теряясь где-то в сумрачно-черном небе, на котором не видно ни единой звезды.

Вокруг меня – темнота. Я вижу, как она шевелится, будто

клубок ядовитых змей.

– Ты наша! – шепчет мне тьма. – Пора сделать выбор!

Улица, по которой я бегу, становится все уже и уже. И я понимаю, что скоро окажусь в тупике. Я боюсь оглянуться. За мной притаилась тьма, жадно дышащая мне в спину.

– Ты наша! – торжествующе шепчет она и тянет ко мне тысячи рук-щупальцев.

– Нет! – кричу я. – Нет!

...И просыпаюсь.

В первую секунду я забываю, как дышать. Воздух больше не поступает в мои легкие. Я в ужасе приподнимаюсь на кровати и, наконец, делаю вдох... А следом – еще несколько жадных судорожных вдохов. В груди – тягучая боль, но я снова дышу. Я жива.

В комнате еще темно, и я, закутавшись в одеяло, отползаю к стенке, стараясь сжаться в комок, спрятаться от кого-то...

За окном моросит дождь. Я прекрасно слышу его шум в открытую форточку, и этот глухой монотонный звук немного меня успокаивает.

Я оглядываюсь. Все вокруг по-прежнему. И обои с бледно-розовыми цветами, и мой письменный стол, освещенный луной... компьютер... старенькая лампа со смешным зеленым в белый горошек абажуром, и лежащий на полу, у кровати, белый ковер с длинным ворсом, по которому так приятно ходить босиком... Моя собственная, знакомая до мель-

чайших деталей комнаты. Как же хорошо видеть все эти простые вещи! Как хорошо вновь оказаться в привычном мире, где играют по уже известным мне правилам.

Ну и кошмар мне приснился! Бррр! От одного воспоминания по спине пробежал неприятный холодок.

Я привыкла доверять своим снам. Они приходят ко мне не так уж часто, но всегда о чем-нибудь предупреждают. Так было перед болезнью мамы. Смешно, пару раз меня даже предупреждали о двойках. Мама говорит, что, наверное, у меня есть дар предвидения. Может, и так. В любом случае к предостережениям лучше прислушаться. Вот только непонятно, в чем суть сегодняшнего сна? Мне следует бояться себя? Кого-то другого? В этом сне я едва не убила Виолу. Неужели только за то, что она так жестоко... нет, глупо поступила со мной. Я же и вправду едва ее не убила!

Ужас какой! А мама еще называет меня доброй девочкой, смеется и ласково гладит по голове, когда я притаскиваю с улицы очередного выпавшего из гнезда птенца или маленького тощего котенка с тонюсеньким смешным хвостиком.

«Ну да, – вступает со мной в спор внутренний голос, – это все беззащитные, несчастные животные, но Виола-то совсем не беспомощна. Признайся, ей даже пойдет на пользу, если...»

«Нет», – останавливаю я себя, изо всей силы сжимая виски руками и прислушиваясь к перестуку дождя за окном. Во всем виноват сегодняшний кошмар. Это все происки без-

звездной ночи.

Нужно забыть о дурном и поскорей заснуть. Просто буду завтра осторожней. Спасибо за предупреждение. А теперь – спать.

Утром я стояла на ступеньках школы. До первого урока оставалось еще пятнадцать минут, и мне не хотелось проводить их в душном классе.

День сегодня выдался хмурый. Всю ночь лил дождь, и на заасфальтированной дорожке остались лужи. Я разглядывала их, пытаюсь угадать, на что они похожи. Вот эта – толстый бегемот, эта – жираф...

– Привет! – Ко мне подошла Вика. – Я слышала, у вас вчера какое-то ЧП случилось?

– Случилось, – мрачно подтвердила я. – Кто-то, не будем уточнять, но я догадываюсь, кто это был, уничтожил почти весь отснятый материал.

– И что теперь? – спросила Вика, с любопытством уставившись на меня серыми, как дождливое небо, глазами.

– Теперь вас снова на торжественную линейку построят, снова будете гимн школы петь, – пошутила я, но, видя, что глаза Вики удивленно расширились: она доверчиво приняла мои слова за чистую монету, – тут же пояснила: – Шучу.

– Юмористка, – хмыкнула она. – Знаешь... – и вдруг замолчала, уставившись куда-то. – Вау! Какая машина! «Rolls-Royce Phantom»! Супер!

Я тоже взглянула. У входа остановился элегантный черный автомобиль с тонированными стеклами. Сияющая дверца раскрылась, и оттуда вышел юноша.

Он наклонился к окну, сказал что-то в глубину салона, и машина легко и беззвучно рванула с места, сразу набирая скорость.

А парень повернулся к нам.

Он шел по мокрой, покрытой лужами дорожке, будто по красному ковру какого-нибудь дворца кинофестивалей.

На вид ему можно было дать лет шестнадцать-семнадцать. Его черные густые волосы были уложены с легкой небрежностью, и несколько прядей падало на белоснежный лоб. Это казалось ужасно красиво – черное и белое. Как в «Белоснежке»! Добавьте удивительного темно-карего, почти вишневого цвета глаза, тонкий нос, четкий овал лица, будто выточенного из слоновой кости, маленькую ямочку на подбородке...

Роста парень был довольно высокого. Худощавый, гибкий, он двигался с какой-то непередаваемой грацией, напоминавшей ленивую грацию хищника. Явно дорогая одежда – черная водолазка с высоким воротом и идеально сидящие джинсы, легкий, как раз в меру, аромат туалетной воды – сандала и чего-то пряного – донесся до нас, когда он подошел поближе. От него веяло роскошью и силой. А еще... опасностью. Я так и чуяла запах опасности, оказавшийся сильнее запаха парфюма.

Парень был невозможно, нереально красив, так что у меня даже на миг остановилось сердце.

Он взглянул на нас, и я почувствовала, будто меня с головы до пяток пронзают тысячи тоненьких острых иголок. Сразу же захотелось подпрыгнуть, закричать, немедленно совершить что-нибудь безумно-сумасшедшее, чтобы удержать внимание этого спустившегося на землю бога.

«Как же, обратит он на тебя внимание, – услужливо подсказал мудрый внутренний голос. – Наверняка за ним такие красавицы бегают, что ого-го! Очень ему нужна тощая дура, застывшая у крыльца, точно белая береза под окном».

И вообще такой красавчик небось пройдет по вашему сердцу своими дорогими кроссовками и растопчет его, даже не заметив. Такие, как он, под ноги не смотрят.

У меня было проверенное средство, не подводившее меня в самых сложных ситуациях. Стоит только представить себя со стороны – эдакую застывшую с открытым ртом тощую нескладную девицу в простоватой, по меркам нашей школы, одежде – и сразу приходишь в норму.

«Подумаешь, какой красавец-мачо», – решила я и иронично усмехнулась.

Незнакомец в ответ, будто прочитав мои мысли, чуть удивленно приподнял бровь и подошел к охранникам.

– Привет, я прибыл сюда учиться. Можно войти? – спросил он.

– Входите, пожалуйста, – услужливо произнес охранник и

посторонился.

Голос у юноши, понятно, тоже оказался красивый. У таких, как он, небось не бывает ни единого изъяна. Прямо-таки ходячее совершенство. Не чета некоторым.

Я посмотрела на подозрительно притихшую Вику. На ее лице застыло выражение безмерного восхищения и восторга. Думаю, точь-в-точь такое украшало всего минуту назад и мою физиономию. Как же смешно это выглядит со стороны! Даже смешнее, чем я себе представляла.

– Боже! – прошептала Вика, понемногу приходя в себя после того, как чудесное видение скрылось в холле. – Какой парень! А эти глаза! А одет!.. Ты заметила, какие у него часы?! Это же «Chopard». Знаешь, сколько они стоят? На эти деньги можно несколько автомобилей купить!

– Нет, не заметила, – сухо ответила я. – Извини, сейчас урок начнется, не хочу опаздывать.

И я, оставив на крыльце витающую в волшебных грезах Вику, тоже ступила под своды родной школы.

Еще находясь под впечатлением от недавней встречи, я вошла в класс, села у окна и приготовилась к занятиям.

Первым уроком сегодня у нас была литература – мой самый любимый предмет. И место у окна тоже было самым любимым: отсюда как раз открывался замечательный вид на наш маленький парк. Хотя на литературе я, конечно, редко глазела в окно. Ее преподавали весьма неплохо – с учетом

филологического уклона нашего класса. Особенно мне нравилось писать сочинения, и литераторша Анна Анатольевна несколько раз даже зачитывала их перед всем классом. А Виола потом, на перемене, со своим фан-клубом обязательно их высмеивала. Понятно, что из зависти, но все равно обидно.

Димка вот, наоборот, в сочинениях плавал. Даже не знаю почему, при всей склонности ко всяким математикам и физикам, он не перевелся в параллельный класс, а упорно грыз гранит науки среди будущих филологов.

Вот и сейчас Фролов, как всегда, сел со мной за первую парту, хотя я прекрасно вижу, как он каждый раз бледнеет под строгим взглядом взыскательной Анны Анатольевны и, без сомнения, с удовольствием укрылся бы за чьей-нибудь широкой спиной, чтобы пореже попадаться ей на глаза.

– Димка, – прошептала я ему так, чтобы другие ребята не слышали, – извини, я вчера не сказала тебе «спасибо».

Димка вытащил из сумки тетрадку и ручку, повертел их в руках, положил на стол и только после этого буркнул:

– Вот уж не за что. Это я во всем виноват. Бросил камеру без присмотра.

Я хотела сказать ему что-то вроде того, что он тут ни при чем, а эта злобная тварь Виола еще пожалеет...

Но тут дверь распахнулась и вошла целая делегация. Возглавляла ее наша классная Татьяна Михайловна, а за ней следовали литераторша Анна Анатольевна и, наконец, тот са-

мый парень, которого я видела на школьном дворе.

– Доброго дня, – поздоровались с нами учительницы, а новенький кивнул и широко улыбнулся.

Разумеется, и улыбка у него оказалась красивая и уверенная.

Наверняка он знает, какое впечатление производит.

А я – девочка-невидимка, девочка-изгой. Такой, как он, едва ли посмотрит в мою сторону. А если и взглянет, то лишь с любопытством...

– Это Артур, – представляла тем временем новенького Татьяна Михайловна. – Артур три последних года учился в Англии, а теперь вернулся в Россию, чтобы закончить здесь одиннадцатый класс и продолжить образование в области русской филологии.

Не знаю, кому как, а мне его история сразу показалась довольно странной. И чем, после трех лет обучения в Англии, ему какой-нибудь Оксфорд не приглянулся?! Судя по всему, денег у его родителей навалом... Нет, дело в чем-то другом... И тут меня осенило. Должно быть, его отец занимается политикой! И возвращение в Россию с предпочтением русского вуза – прекрасно спланированная пиар-акция, как говорится: *specially for mass media*.³

Довольная собственной журналистской смекалкой, я посмотрела на Артура, и у меня опять сжалось сердце. В нем

³ *Specially for mass media (англ.)* – специально для прессы.

было что-то такое... трогательное, как у одинокого котенка. Может быть, его уверенность наиграна? Думаю, любому новенькому приходится нелегко. А в нашем классе – особенно.

И, в конце концов, случаются же с кем-то все эти истории про Золушек?! Так почему бы...

– Садись, Артур, выбирай, пожалуйста, себе место, – сказала Татьяна Михайловна. – А мы пока познакомим тебя с учениками. Анна Анатольевна, позвольте отнять у вас еще пять минут, чтобы Артур не чувствовал себя неудобно.

Новенький опять широко улыбнулся, окинул всех оценивающим взглядом и медленно пошел по проходу.

Походка у него была упругая и очень грациозная.

«Ну конечно, придумала: какой из него котенок? Скорее тигр, – решила я. – Ну надо же, размечталась!»

В отместку себе я открыла тетрадь и нарисовала на последней странице Артура с сияющей короной на голове. Ну ладно, рисовала я не слишком, и можно было и не догадаться, что это именно он, но получилось весьма карикатурно.

Я показала рисунок Димке, но он почему-то не засмеялся.

– Артур, садись, пожалуйста, со мной. Я помогу тебе здесь освоиться, – раздался вдруг знакомый голос.

Ну конечно, это Виола подсуежилась, выгнала из-за своей парты Мишу Сорина, и теперь целиком претендует на внимание новенького. Разумеется, под видом самой что ни на есть бескорыстной помощи.

– Молодец, Виола, – похвалила ее классная, купившись на

это дешевое дружелюбие.

Артур сел за парту Виолы.

– Ну что же, давайте расскажем Артуру о себе. Начинай, – обратилась Татьяна Михайловна прямо ко мне.

Вот всегда, если что, начинают именно с меня.

Кстати, хотите забавный случай: в прошлом году мы с Викой решили сходить в кино, сбежав с последнего урока. У наших классов как раз была объединенная физкультура – мы должны были команда на команду играть в волейбол. И, разумеется, как назло, оказались застигнуты физкультурником. И что вы думаете, Вика проскочила незамеченной, а в меня он вцепился ну прямо как клещ. А мама еще говорит «яркая внешность»!..

Я нехотя встала и повернулась лицом к классу.

– Меня зовут Полина. Учусь здесь с первого класса, интересуюсь литературой, являюсь ведущей внутришкольной видеопередачи. Свою дальнейшую судьбу надеюсь связать с журналистикой.

Пока я говорила, Артур не отрывал от меня глаз. Я не смотрела на него, но ощущала его взгляд буквально физически. Будто он пытался проникнуть через мою оболочку и посмотреть, что у меня там, внутри.

Опустившись на свой стул, я почувствовала, как в висках часто стучит пульс, словно я только что сделала не менее пятнадцати отжиманий. (На самом-то деле мне и десяти вполне хватало.)

Следующим выступил Димка, потом Галя Ларина, ну и остальные шесть человек. Я, признаться, не слушала, что они там говорят, а тупо пялилась в окно, называя себя дурой. Деревья в парке беззвучно, словно в немом кино, качали ветвями, и я заметила, как с ветки сорвался одинокий узорный лист и, медленно кружась, опустился на землю. И что я так разволновалась? Подумаешь, будто красавчиков никогда не видела...

Урок литературы в тот день показался мне мучительно долгим. Анна Анатольевна говорила про осень, про умирание и возрождение, а потом попросила нас почитать свои любимые осенние стихи.

На этот раз я вовсе не хотела ничего читать. Просто не хотела – и все. А еще кое-кто обязательно решил бы, что я выпендриваюсь перед новеньким. Но Анна Анатольевна посмотрела на меня с такой надеждой, что подвести ее было просто невозможно.

И тогда я встала, вышла вперед и прочитала стихотворение Бориса Пастернака. Ну, знаете:

Осень. Сказочный чертог,
Всем открытый для обзора.
Просеки лесных дорог,
Заглядевшихся в озера...⁴

⁴ Стихотворение Б. Пастернака «Золотая осень».

Очень легкое, светлое стихотворение. Так и видишь золоченые рамы ясеней и осин, которые, как драгоценную картину, обрамляют лазурно-чистое небо, и длинную тенистую аллею, и янтарный отблеск солнца на коре... Я люблю такую праздничную осень.

Во время прочтения стихотворения я, конечно, старалась не смотреть на новенького, но все-таки заметила, как Виола засмеялась и прошептала ему что-то на ухо. Собственно, даже сомневаться не приходилось, что: очередную гадость обо мне.

Анна Анатольевна похвалила меня и сказала, чтобы я сидела. А я, словно назло, споткнулась и чуть не упала. В классе захихикали, а мне стало так горько и обидно, что я опять уставилась в окно.

Но тут Анна Анатольевна спросила новенького, есть ли у него любимое стихотворение про осень, и он прочел:

Вот и всё, вот и кончился солнечный бег.
На манжеты ложится белой запонкой снег,
Превращаясь в бриллиант при ночном фонаре.
Как богаты мы, осень, как добра ты ко мне.

Как добра ты на смерть, как добра ты на боль.
Ты для каждого видишь его главную роль.
Ты, как штемпель судьбы на последнем конверте...

С тобой очень приятно думать о смерти.

– Боюсь, что не знаю этого стихотворения, – сказала Анна Анатольевна. – Это какой-то современный поэт. Строчки не слишком ровные, сбивчивые, но в целом неплохо. Довольно образно.

– Это Дельфин. Называется «Штемпель», – объяснил Артур.

– Интересно, а почему ты выбрал его? Расскажи, пожалуйста, Артур.

– Потому что оно мне близко. Оно – обо мне.

– Ты чувствуешь себя одиноким? Отверженным?

– Не меньше и не больше, чем любой другой подросток. – Он улыбнулся.

Я, забыв о пейзаже за окном, с интересом смотрела на Артура. Возможно, я не права, сразу же решив, будто он мажорный и пустой. Наоборот, все вокруг считают себя исключительными, и только очень смелый и необычный человек может сказать, что он такой же, как и все.

– Тебя интересует тема смерти? – снова спросила Анна Анатольевна.

– Многие из тех, кто пишет об этом, не имеют никакого понятия, что такое смерть. Они говорят о том, чего не знают. – Артур вдруг стал серьезным, и мне показалось, что эта тема и вправду его волнует.

Интересно, на гота он не похож. Вряд ли он оставляет свой

«Роллс-Ройс» у ворот кладбища и ночами шляется вокруг могил. Артур, конечно, очень бледен, но, насколько я понимаю, у него, как и у меня, от природы такой оттенок кожи, а вовсе не от каких-нибудь белил – днем всякая неестественность обязательно стала бы заметна...

Я поймала себя на том, что опять беззастенчиво, в упор, разглядываю его, и, смутившись, опустила глаза.

Димка рядом со мной методично закрашивал клеточки в тетради.

Видно, ему что-то ужасно не нравилось.

– Молодых людей часто волнует мысль о скоротечности земного бытия, – говорила тем временем Анна Анатольевна. – Например, есть она и в лицейской лирике юного Пушкина. Хотите, мы проведем с вами семинар на эту тему?

Мы договорились о семинарском занятии на следующей неделе, и она отпустила нас немного подкрепиться.

Все дружно двинулись показывать новенькому столовую, по пути оживленно расспрашивая его об Англии.

Мне это было совершенно неинтересно, и мы с Димкой держались отдельно от них. Я пыталась придумать, что делать с видеопередачей, но Фролов был сегодня особенно молчалив, так что болтала в основном я.

Зато и новенького было почти не слышно.

Но когда я проходила мимо их столика, до меня долетел обрывок разговора.

– И как там девочки? – кокетливо спрашивала Виола.

Я не смотрела на них, но готова поручиться, что в этот момент она вовсю строила ему глазки и вообще всячески напращивалась на комплимент.

И он, разумеется, полностью оправдал ее ожидания, сказав:

– Да так, ничего интересного. Здешние лучше. Хотя меня скорее интересует только одна. Совершенно особенная.

– Правда? – спросила Виола уже абсолютно медовым голосом.

А я не удержалась и хмыкнула. Если его родители и отправили Артура сюда в целях собственного пиара, то он явно не собирается тратить время даром и уже – гляди-ка – откровенно подбивает клинья к первой в классе красотке. Подумаешь, ему нужна совершенно особенная девочка! Я вот совсем обыкновенная, и это меня вполне устраивает.

Я вернулась на свое место и поставила принесенный стакан томатного сока на стол. В последний момент рука моя дрогнула, и часть сока выплеснулась, красная лужица медленно растекалась и ширилась, стремясь добраться до края стола и оставить на моей одежде обличающие пятна.

Ловчий, десять часов спустя

Красная густая лужица медленно растекалась у его ног, и он отодвинулся, чтобы на кроссовках не осталось обличающих пятен.

Сейчас он легко мог позволить этой влаге течь. Он никогда не брал больше, чем нужно. К тому же чувство пресыщения влияло на реакцию и снижало нюх. А позволить этого он никак не мог. Он – Королевский Ловчий – всегда должен быть в форме. Без пищи – нельзя. Но и ее надо принимать в самую меру, не забывая о том, что он – на охоте. Даже братья уважают и боятся его. Даже среди них – сильных и ловких, прошедших суровый естественный отбор и испытание временем – он был первым. Сама королева отличала его, и он вполне мог стать вожаком, однако это никогда не входило в круг его интересов.

Его интересом оставалось лишь одно – охота. Подходящее занятие для прирожденного ловчего, не правда ли? Эти случайные жертвы по большому счету и не были жертвами – они просто пища. Небольшая дань его сильному и красивому телу, способному становиться не знающей поражения смертоносной машиной.

Наибольшее удовольствие ему доставляла игра. Ничто не может сравниться с наслаждением настоящей охотой, когда кружишь вокруг жертвы, медленно сжимая круги, улавливая тревожное биение ее живого сердца, чувствуя соленый привкус ее страха, видя обострившимся зрением весь спектр цветов. Только охота делала ощущения такими невозможно яркими. Только охота возвращала забытые пьянящие эмоции. Охота – вот она, настоящая жизнь.

Он раздул ноздри, вдыхая запах ночного города. Тот по-

корно лежал у его ног. Город терся о его мягкие кроссовки, точно ласкающийся волк. Ловчий знал, что, как и волк, город смиряется перед ним, покуда он сильный, но стоит только проявить слабость – и тот, и другой с удовольствием покажут свои зубы и вцепятся в горло. Это не хорошо и не плохо. Это просто есть. Таков закон.

Обойдя дом, Ловчий оказался на освещенной улице. Это была одна из главных артерий города. Здесь безостановочно, как кровь по сосудам, день и ночь мчались машины, сновали группки людей, словно сердце, пульсировала неоновая реклама.

Он с удовольствием взглянул на собственное отражение в большой стеклянной витрине. Густые черные волосы для удобства стянуты резинкой в хвостик, черная трикотажная майка обрисовывает гибкое сильное тело, узкие черные джинсы, брючины которых от долгой носки износились снизу в лапшу, мягкие кожаные кроссовки... Все-таки современная одежда во многом удобнее, практичнее прежней. Довершала наряд косуха с продраным рукавом. Он с наслаждением вспомнил ту маленькую заварушку, во время которой пострадала дубленая жесткая кожанка. А еще на шее, на засаленном кожаном шнурке, талисман – небольшой серебряный крестик.

Ловчий улыбнулся своему отражению, обнажив белые ровные зубы – хорошо, когда попадают правильные зеркала, – и медленно пошел по улице. Одинокий среди множе-

ства людей. Новая жертва уже была выбрана.

* * *

– Мама, ну почему? – только и спросила она и растерянно взглянула на подругу.

Наташа уже все поняла и безнадежно развела руками: «что попишешь – предки».

– Потому что я тебе сказала: нельзя – и все, – последовал не менее категоричный ответ. – Сейчас же марш домой.

План провалился. Они специально досидели допоздна в надежде, что в этом случае мама согласится, чтобы Аня осталась ночевать у Наташи.

Завтра суббота, занятий нет. И вот тебе пожалуйста, все равно запретили.

– Хорошо, иду, – понуро сообщила девочка в трубку, и мать, не прощаясь, отсоединилась.

– Ну, Анька, она у тебя и суровая, – прокомментировала Наташа, развернулась на одной ножке на скользком полу – тонкая, как балерина, и предложила: – Ладно, давай еще по немногу «Бейлиса».

– А твои ничего, не заметят?

– Да ладно, у меня предки мировые. Все будет в порядке. Жаль, что ты не сможешь остаться. Киношку бы посмотрели, а потом, ближе к полуночи, в чате классная компания собирается. Можно было бы с соседних компьютеров выйти

и устроить там полный отрыв.

Девочка только вздохнула: понятно, что было бы здорово. Но в том-то и дело – в этом «бы».

Они выпили еще по рюмочке «Бейлиса». Сливочно-сладкий ликер мягко разливался по горлу, в то же время обжигая и будоража.

– Ну, я пошла, уже почти одиннадцать, – Аня тяжело вздохнула.

Она натянула на себя короткий голубой плащик, влезла в немного тесные туфельки, поправила перед зеркалом выбившуюся прядь черных волос и вышла из квартиры.

Наташа, стоя у двери, ждала, пока подруга сядет в лифт.

– Давай, не пропадай, звони! – крикнула она ей вслед и хлопнула дверью так, что звук гулким эхом прокатился по подъезду.

Аня вышла из дома. На губах еще сохранился сладкий сливочный вкус, и она тихонько облизывала их, надеясь растянуть удовольствие.

Было уже довольно поздно. Над головой, словно черная дыра, темнело безнадежно беззвездное небо.

«Ну вот, завтра опять будет плохая погода», – расстроено подумала она.

Несмотря на то, что было лишь начало сентября, осень чувствовалась во всем. Так и моросила дождем, проглядывала в кронах деревьев золотыми листьями, свинцовыми тучами закрывала небосклон, словно торопилась, без конца по-

второя: «И не надейтесь, лету настал конец».

Аня поежилась и быстро зашагала по улице. Ей хотелось поскорее оказаться дома. А то еще не хватает нарваться на какую-нибудь пьяную компанию.

– Девушка, вас проводить? – окликнул ее молодой красивый голос.

Она оглянулась и увидела симпатичного парня в кожаной куртке. Не слишком высокого, но статного.

Незнакомец ей понравился. Все девушки, конечно, говорят, что не знакомятся на улице. И не знакомятся, пока объект оказывается недостойным их внимания. А это был явно не тот случай. Тем более компания всяко не помешает – мало ли кого можно встретить по дороге.

– Не откажусь. Я как раз у подружки допоздна задержалась, – ответила она.

Молодой человек легко нагнал ее и пошел рядом. У него была очень упругая походка.

– А ты далеко живешь? – спросил он.

– Нет, не очень. Вон в тех домах, – ответила девочка, указывая на возвышавшиеся вдали многоэтажки.

Парень замолчал, а Аня незаметно разглядывала его точный профиль. Так они прошли примерно полпути и добрались до небольшой детской площадки.

– Слушай, – вдруг предложил он, – а давай поиграем в кошки-мышки?

– Это как? – За последние лет десять ей, кажется, еще не

предлагали играть в кошки-мышки. Тем более – симпатичные незнакомцы.

– Ну как, обыкновенно. Для начала ты будешь кошкой. Досчитаешь до десяти, я в это время спрячусь. Найдешь меня – игра окончена. Не найдешь – кошкой буду я. Идет?

По правде сказать, на мышку он похож не был. Скорее на кошку – хищную и... голодную, что ли... Аня ясно почувствовала исходящую от него силу. Что ни говори, незнакомец явно был необычным человеком.

«Может, маньяк?» – промелькнуло в голове.

Она внимательно посмотрела на него. Нет, не может быть. У маньяков бегающие глазки и потные руки. А этот... спокойный, уверенный в себе. И совсем даже не похож на сумасшедшего.

– А почему кошки-мышки? Эта игра ведь называется прятками? – спросила Аня, несколько успокоившись.

– Потому что мне так больше нравится. Ну что, играешь?

Она совсем растерялась:

– Ну, хорошо, давай.

Наверное, ему просто хочется, чтобы она за ним побегала. Игра в кошки-мышки в сумерках явно носила в себя иной подтекст. Все, разумеется, должно закончиться поцелуями. А почему бы и нет? Она еще никогда не целовалась с незнакомцем. И ее – возможно, в этом был виноват «Бейлис» – так и потянуло на приключения.

Девочка отвернувшись к дереву и принялась громко считать

до десяти.

Надо отдать должное незнакомцу, двигался он совершенно бесшумно, и, когда она повернулась, его уже не было видно.

– Я уже иду! – весело крикнула Аня в темноту и принялась его искать.

Да, парень умел прятаться. Его не оказалось ни за ближайшими деревьями, ни за скамейкой, ни даже под детской горкой, куда она заглянула просто на всякий случай. Он будто растворился в сумерках. Так даже неинтересно, и, поискав минуты две, Аня решила прервать это бесполезное занятие.

– Эй, ты здесь? Я сдаюсь, – окликнула она его.

– Сдаешься? – Незнакомец шагнул откуда-то из темноты прямо ей навстречу. Аня и не думала, что он так близко.

Как же он все-таки тихо двигается! Хоть бы ветка хрустнула под ногой.

Он был совсем рядом, и она ощутила странное волнение. И все-таки что-то в нем не так... Взгляд остановился на распахнутой на груди куртке, под которой виднелась темная майка и небольшой крестик из белого металла. И как ему не холодно!

– Ты рано сдаешься. Это неинтересно, – холодно сказал он. – Ладно, будем считать, что я этого не слышал. У тебя есть фора. Считаю до пятидесяти. Удачи, мышка. Отсчет начат. На старт, внимание, марш.

Глаза! Ну конечно, у него совершенно безумные глаза!

Вот же повезло!

И она побежала. Со всех ног. Так, как не бегала еще никогда. Так, что сердце прыгало в груди, норовя выскочить, вылететь прочь.

А потом ее настиг черный вихрь. Такой же смертоносный и беспощадный, как эта глухая ночь.

Глава 4

После занятий мы с Димкой снова отправились к Лене. Как ни странно, она встретила нас в хорошем настроении.

– Я уже все придумала, – радостно сообщила она. – В сентябрьский выпуск мы вместо сюжета о первом дне учебы поставим сюжеты о самых талантливых учениках школы и, особой статьей, о новеньком. Я слышала, он очень интересный мальчик. Так что у тебя есть возможность исправить ситуацию, сделав с ним хорошее интервью.

Ну разумеется, мои родители не чета Виолиным, и церемониться со мной вовсе не обязательно. Кстати, что касается интервью с Артуром, той же Виоле, опять же, было бы легче его взять. Как-никак за одной партой сидят, и все перемены она от него не отходит. Могли бы вместо меня Виолу на интервью послать. Она хоть иногда в студию все-таки заходит...

Одна только мысль о том, что вместо меня задания станут поручать Виоле, вывела меня из ступора, и я поспешно сказала:

– Хорошо, я согласна.

– Ну вот и замечательно, – объявила Лена, тряхнув густыми подстриженными в форме каре каштановыми волосами. – Так приступай!

«Интересно, а где Артур?» – подумала я и, сопровождае-

мая уныло плетущимся за мной Димкой, отправилась искать его по всей школе.

Артура в школе не нашлось. Выяснилось, что он уже уехал.

– Ничего, – сказала я себе, – в понедельник мы обязательно подкараулим его и возьмем интервью.

– Да ладно, – буркнул в ответ Димка, – подумаешь – звезда.

За оставшуюся часть дня ничего интересного не произошло. Мы немного позанимались. Я в порядке взаимопомощи помогла Димке с французским, он мне – с алгеброй и информатикой, и мы отправились домой.

Трясаясь в небольшом школьном автобусе, я вспоминала Артура с его «Роллс-Ройсом» и Виолу, которую из школы всегда забирали либо отцовские охранники, либо, что случалось достаточно часто, сами родители. А вот у моих никогда не находилось для этого времени.

Нет, разумеется, я прекрасно знаю, как папа загружен на работе. Он уезжает в офис к девяти утра и возвращается домой обычно уже после десяти. У него небольшая фирмочка, занимающаяся сборкой и продажей компьютеров, а также установкой программного обеспечения и всяким мелким ремонтом. В ней всего два менеджера, два сборщика-программиста и один шофер. Поэтому всеми делами отец занимается сам. А мама помогает ему, ведя бухгалтерию. Чаще всего

она работает дома, день и ночь просиживая в своем «1 С». Так что я на них не сержусь. Только бывает немного обидно. И почему они целыми днями вкалывают, а живем мы достаточно скромно, особенно по меркам нашей школы. А вот, скажем, родители Виолы располагают и временем, и средствами. Только не подумайте, будто я ей завидую. Лично мне много не надо. Напротив, я бываю рада помочь отцу, скажем, отвозя клиентам какие-нибудь бумаги или диски с программами, а заодно получая за это небольшой денежный бонус. Поэтому у меня уже есть собственные заработанные деньги, а они, бесспорно, ценней тех, что дают Виоле родители. К тому же я чувствую себя взрослой, когда выполняю эту несложную работу.

В школьном автобусе, как всегда, было немного народа. Вот сошел на своей остановке Димка Фролов, помахав мне на прощание рукой, и мы поехали дальше. Я задумчиво глядела в окно. Серые улицы, пасмурное серое небо... Одинаковые унылые дома. Мы уже покинули центр и приближались к моей остановке. Кроме меня в автобусе оставались две девчонки из средней школы, жившие еще дальше.

Они сидели на заднем сиденье и громко хихикали, что-то обсуждая. Пару раз я четко различила слово «новенький» и поняла, что они болтают об Артуре. Теперь о нем говорила, наверное, вся школа. Ну подумаешь, принц – появился в школе, и все девчонки только на него и смотрят. А между прочим, не так уж он красив. Я принялась вспоминать его

лицо и решила, что у него полным-полно недостатков. Нос, пожалуй, коротковат. И подбородок узкий, не мужественный. Даже непонятно, почему он в первый момент произвел на меня такое сильное впечатление.

– Ты что, с нами и дальше поедешь? Проснись, красавица, и пой! – окликнул меня шофер, молодой веселый парень по имени Андрей.

Я вздрогнула.

Точно. Это моя остановка. Ну надо же было так задуматься!

– Сейчас спую, – угрожающе пообещала я и вышла из автобуса.

Он поехал дальше, увозя болтающих и смеющихся девченок, а я пошла к дому.

В квартире меня встретил только Джим, тут же бешено завилявший хвостом. Ага, мама, значит, опять по делам поехала.

– Мам, ты дома?! – на всякий случай крикнула я.

Никто не отозвался.

Я сняла туфли и застыла в коридоре.

Не знаю почему, пустая квартира вдруг испугала меня. Честное слово, будто мне снова пять лет и родители впервые оставили меня одну, отправившись вечером в ресторан.

– Ты не будешь бояться? Мы ненадолго, – говорила мне мама. – Если соскучишься, нажми вот эту кнопочку, и я с тобой поговорю.

И я, конечно, заверила ее, что не стану бояться, а, напротив, буду хорошей девочкой.

Не знаю, сколько времени они отсутствовали, – мне показалось, целую вечность. Помню, что меня тогда охватило огромное, всепоглощающее чувство страха. Книжки и игрушки из верных друзей вдруг почему-то превратились во врагов. Даже Морковкин – огромный заяц, которого я очень любила, стал чужим, и мне показалось, что на его обычно доброй и простоватой морде застыло злое и ехидное выражение. Я хотела нажать кнопку и позвонить маме, но в трубке раздавались лишь частые гудки. И тут я решила, что осталась совсем одна. Кажется, в тот момент мне подумалось, что родители никогда не вернутся, что с ними случилось что-то страшное и непоправимое. И я заплакала. Громко, как будто надеялась рыданиями заглушить собственный страх, спугнуть то ужасное, что таилось в тишине пустого дома. В тот раз у меня, как бывало иногда, от волнения пошла носом кровь. Не знаю, что случилось бы, если бы соседи каким-то неведомым образом не подобрали ключи от нашей квартиры.

Когда родители вернулись, я уже спала, прижимая к себе плюшевого чебурашку – игрушку, которой у нас дома отродясь не было...

Словно отозвавшись на мои детские воспоминания, громко зазвонил телефон.

Я сняла трубку.

– Ты уже дома? У тебя все в порядке? – спросила мама.

– Да, конечно, – отозвалась я. – А ты скоро будешь?

– Не раньше чем через час. Поищи поесть что-нибудь в холодильнике, – посоветовала она. – Кстати, мне тут из твоей школы звонили. Сказали, у тебя какие-то проблемы...

– Виола заслужила пощечину! – я тут же перешла в наступление. – Это у нее, а не у меня период подростковой агрессивности!

– Ладно, – устало согласилась мама, – дома поговорим. Не скучай, скоро буду.

Она отключилась.

А я прошлась по комнатам. Будто просто так, от нечего делать. Не знаю, отчего, но сегодня меня не оставляла тревога. Наверное, виноват тот самый ночной кошмар, и это после него который день я никак не могу прийти в себя.

Джим верно следовал за мной, защищая мой тыл.

Ну что за идиотизм: какая опасность может подстергать меня в пустой квартире! В нашей собственной квартире!

Я сняла курточку, повесила ее в шкаф, затем прошла на кухню, вскипятила воды, налила себе чаю, вернулась в комнату, устроилась на диване и включила телевизор. Там как раз шли криминальные новости. Говорили о каком-то маньяке. Милиция обнаружила несколько обескровленных тел юных девушек, и оперативник настоятельно советовал по возможности не появляться на улице в одиночестве в темное время суток. Смотреть такие сюжеты сейчас я просто не

могла и тут же переключилась на канал «МУЗ-ТВ». Пускай громкая музыка спасет меня от этой устрашающей тишины.

Всю субботу я проездила по папиным делам, развозя его клиентам СД-диски и документацию. Последний адрес оказался где-то на отшибе. Офис, куда я должна была доставить бумаги и несколько дисков с программами, находился через парк от станции метро. Пока я искала нужный дом, пока в дирекции выясняли всякие вопросы, стало потихоньку смеркаться. В общем, обратно я шла уже в полутьме.

Парк показался мне пустынным и угрюмым. Грязные дорожки, сплетающиеся между собой в причудливые узоры, старый, по-видимому, давно не работающий фонтан, весь засыпанный жухлой листвой...

Брр! По-настоящему жуткое место!

В тусклом вечернем свете редкие прохожие казались призрачными фигурами. Даже в скрипе песка под ногами мне чудились какие-то зловещие нотки.

Я постаралась миновать парк как можно быстрее, но вдруг заметила на обочине одной из дорожек двоих: старуху и большого лохматого пса.

Старуха была щуплая, с распущенными грязно-седыми патлами и крючковатым носом. Как раз такими рисуют в детских книжках ведьм. Она стояла, протянув за подающим иссохшую руку, а у ее ног лежал лохматый пегий пес. Даже при таком освещении было заметно, что его шерсть потемнела от

грязи и местами свалаялась, уши висят словно огромные лопухи, а взгляд был такой по-человечески отчаявшийся, что я просто не смогла пройти мимо.

Остановившись возле старухи, я полезла в сумку. В кармашке обнаружилась лишь одна, последняя, сотка. Но старуха и собака уже уставились на меня с надеждой, и я тут же достала купюру и вручила бабке. В конце концов, проездной у меня есть. Доберусь до дома, не пропаду.

Она взяла деньги крючковатыми трясущимися пальцами и тут же засунула их за повязанный крест-накрест на груди платок.

– Спасибо, ты добрая девочка, – прошамкала старуха. – Хочешь, я отблагодарю тебя за это? Давай руку – погадаю, всю правду скажу.

Разумеется, я читала в Интернете про цыган и вовсе не собиралась ввязываться в сомнительную историю с гаданием. Тем более в пустом парке и в такой поздний час.

– Нет, спасибо, я лучше пойду, – ответила я и действительно собралась уйти, но старуха схватила меня за руку.

– Не спеши! – сказала она. – Я вижу на твоём лице печать судьбы. Берегись, беда совсем близко!

Я попыталась вырваться, но она крепко держала мою руку.

– Отпустите! – воскликнула я. – Если вы думаете напугать меня мнимой порчей и выманить побольше денег, вы просчитались! У меня больше ничего нет! Хотите посмотреть?

– погоди, милая, не кричи. Мы не сделаем тебе зла, и нам не нужны твои деньги. Правда, Хугин?

Пес хрипло гавкнул, видимо, подтверждая слова хозяйки.

– А что же вам надо? – осторожно спросила я.

– Просто предупредить тебя. Можно сказать, это мой маленький должок, – старуха хихикнула. – И не бойся. Не нас тебе надо бояться.

– А кого же?

Старуха перевернула мою ладонь и принялась тщательно ее изучать, поднеся совсем близко к подслеповатым глазам:

– Гммм, – сказала она и покачала головой. – Пожалуй, для верности спросим у друзей. погоди, сейчас я достану свою колоду...

Она выпустила мою руку, и я на всякий случай отступила от гадалки на шаг.

– Я уже говорила, что не смогу заплатить вам за гадание, – еще раз предупредила ее я.

Пес сердито гавкнул.

– Ну что ты все о деньгах. Такая молодая, а только о деньгах и говоришь, – укорила меня гадалка, – и, клянусь своей душой, на тебе не будет никакого долга.

Я уже сомневалась. Разумеется, мне было любопытно, о чем хочет предупредить меня ворожея. Заглянуть за завесу, скрывающую судьбу, – всегда интересно. Я перевела взгляд на пса. Он смотрел прямо мне в глаза. Странно, я всегда думала, что животные не выносят взгляда человека и всегда от-

водят взгляд, а этому хоть бы что. Напротив, пес даже оскалился так, что на его выразительной морде появилось подобие ехидной улыбки, и кивнул кудлатой головой: «Мол, ну что, оставайся». И я осталась.

Меж тем старуха нащупала под платком и извлекла на свет потрепанную колоду черных карт. Бурча себе под нос что-то непонятное, она перемешала их и протянула мне.

– Вытяни три любые, – предложила она.

Я немного помедлила, прежде чем прикоснуться к истрепанным картам с таинственным алым символом на рубашке, но тем не менее протянула руку. От карт, казалось, исходило тепло.

Я наугад, как и говорила старуха, вытянула три карты и мельком взглянула на них. На одной на фоне древнего языческого храма была изображена египтянка. Под картинкой было по-английски написано: «Верховная жрица». На второй мчалась куда-то карета, запряженная демоническими лошадьми. Она живо напомнила мне экипаж графа Дракулы из одноименного фильма. «Колесница», – гласила надпись под этой картинкой. На третьей был изображен некто рогатый и козлоногий, попирающий кучу черепов. Надпись «Дьявол» рассеивала последние сомнения.

– Вот, пожалуйста, – протянула я карты старухе.

Она приняла их и, поднеся к глазам, закивала седой головой:

– Я была права, девочка. Смерть ходит за тобой по пятам.

Тебе угрожает ужасная опасность. Помни, что речь идет не только о твоей жизни, но и о твоей бессмертной душе! Бойся ночи! Бойся! В тебе дремлют великие силы, однако судьба еще не определила, к добру это или к худу...

Я плохо понимала, о чем она говорит, от ее хриплого голоса, напоминающего воронье карканье, мне уже стало страшно.

– Что за опасность? – переспросила я.

– Мы пока не можем тебе сказать. Ночь не простит нам, правда, Хугин? – Услышав свое имя, собака еще раз подтверждающе гавкнула. – Прислушайся к себе. Спасение – в твоей душе. Пойми это.

– Как мне понять, если вы изъясняетесь загадками, – сухо сказала я. Гадалки часто сплетают нечто непонятное, что можно трактовать совершенно по-разному, но я вдруг вспомнила ту ужасную тьму, что говорила со мной во снах, и невольно поежилась. Старуха случайно попала практически в точку.

– Они хотят тебя! Они охотятся за тобой! Они совсем рядом! – снова заговорила старуха, глядя на меня беспокойными, словно пламя костра, глазами. – Берегись! Их отметка вот здесь, у тебя на лбу!

С этими словами она протянула ко мне свою высохшую руку, и я вдруг увидела, что это вовсе не рука, а кривая птичья лапка.

Не сдержавшись, я вскрикнула и отступила, а Хугин хрип-

ло залаял. Вернее, захохотал.

– Только он поможет тебе! Проси у него защиты! – сказала старуха и ткнула скрюченным пальцем-когтем в ужасного пса.

Но я уже не слушала ее, а бежала, охваченная ужасом, прочь, не разбирая дороги.

А вслед мне неся ужасный хохот сумасшедшей старухи и хриплый лай пса.

Сама не знаю, как я добралась до метро. Я пришла в себя уже на сиденье грохочущего поезда. Старуха ужасно меня напугала. И она, и ее пес были, вероятно, самыми жуткими существами, каких я когда-либо видела. Я очень люблю собак, но этот Хугин, или как там его звали, поразил меня. У него были совершенно человеческие глаза. Еще немного, и он бы, чего доброго, сам заговорил со мной!..

Нет, все-таки гадалка несла полнейший бред. Ну кто станет на меня охотиться? Какая опасность может угрожать мне, обычной московской школьнице? Ну ладно бы я была дочерью олигарха, но мой-то папа уж точно не олигарх!

«Просто забудь об этом. Сделай вид, что ничего не произошло», – уговаривала я себя. Но ужасный смех по-прежнему звучал в моих ушах, и страх железными зубами вгрызся в сердце.

Понедельник не принес больших неожиданностей. Я

проснулась ровно за пару минут до звонка будильника, погуляла с Джимом, затем привела волосы в порядок, надела линзы и чуть-чуть подкрасила глаза.

В это время мама приготовила нам завтрак. Мы с папой поели, соревнуясь, кто быстрее, а потом он повез меня на автобусную остановку.

– Будь огурцом! – сказал он на прощанье, и я засмеялась.

Это наша давняя, еще детская шутка. Про огурца-молодца. Когда я слышу ее, на сердце всегда теплеет.

Подошел автобус. Я влезла в него, поздоровалась с Андреем и, усевшись на свое привычное место, стала терпеливо ждать, пока мы соберем по остановкам всех ребят, кто, как и я, имеет счастье пользоваться услугами школьного автобуса.

До начала уроков мне не удалось поговорить с Артуром. Он снова немного опоздал (вот так и убеждаешься в преимуществе простого школьного автобуса перед «Роллс-Ройсами»). А далее его вниманием полностью завладела Виола, и я едва смогла застать его одного.

– Привет, – сказала я, наконец столкнувшись с ним на школьном дворе.

Артур задумчиво стоял в тени деревьев. Я вообще заметила, что он недолюбливает солнце, видимо, оберегая бледную кожу от загара. А зря. По-моему, легкий загар все-таки был бы ему к лицу.

– И тебе привет, – отозвался он.

Он смотрел на меня совершенно равнодушно, и по его ли-

цу невозможно было ничего прочитать.

– Я увлекаюсь журналистикой и веду внутришкольную видеопередачу, – перешла я к делу. – Думаю, ребятам будет интересно узнать о тебе побольше. Не согласишься ли дать небольшое интервью?

– Хорошо, но только с двумя условиями.

Терпеть не могу таких ребят, которые сразу же начинают звездить и ставить всякие условия. Можно подумать, он какая-нибудь важная персона, за которой я гоняюсь, мечтая об интервью как о манне небесной. А ведь, с другой стороны, и вправду гоняюсь. Лена недвусмысленно намекнула, что это мой шанс реабилитироваться после первого провала.

Но я, понятно, не стала сразу орать: «Конечно, я на все согласна!», а, напротив, выдержала паузу, не выдавая своего интереса.

– Первое – я могу не ответить на какой-нибудь вопрос безо всяких объяснений, – продолжил он, я кивнула. – А второе – не честно, если вопросы будешь задавать только ты. Предлагаю устроить обмен. Сначала ты задаешь вопросы мне, потом я тебе.

Его условия меня поразили. С чего это он вздумал интересоваться моей жизнью?

– Ну ладно, – тем не менее согласилась я, – но не ожидай, что услышишь что-нибудь необыкновенное. И тоже с двумя условиями: я, как и ты, могу не отвечать на некоторые твои вопросы – это раз, и ты поклянешься не трепаться о моих

ответах в классе – это два.

– Согласен, – серьезно сказал он.

– Часа в три, после занятий, в рекреации под пальмой тебя устроит?

– Вполне, – согласился он.

Приближалось время уроков, и мы пошли в класс.

Сказать по правде, мне было приятно идти рядом с Артуром, ощущая его плечо совсем близко от своего.

И тут на нас, будто смерч, налетела Вика.

– Привет! – закричала она мне, заметив нас с другого конца коридора. – А ты не познакомишь меня со своим приятелем?

Это она, понятно, об Артуре.

Я не стала ее разочаровывать, объясняя, что он мне вовсе не приятель. Да этого и не потребовалось, потому что Вика уже не обращала на меня никакого внимания, полностью сосредоточившись на Артуре.

– Жалко, что ты не пошел к нам. Наш класс дружнее, и вообще предметы дают лучше, – затараторила она. Я смотрела на нее в испуге. Насколько я знаю, Вику не слишком интересует учеба. – Кстати, ты можешь приходить к нам на какие-нибудь лекции. Вот Димка Фролов из вашего класса всегда к нам на информатику ходит. Придешь?

– Тебя что, вербовщиком назначили? – не выдержала я.

Вика удивленно взглянула на меня:

– Ой, а я думала, ты уже ушла...

Ну вот уж спасибо. Вот как проявляется верность подруг. Стоит только появиться более-менее симпатичному парню – и вся девичья дружба летит в тартарары.

– Не волнуйся, уже ушла, – ответила я и, повернувшись к ним спиной, пошла по коридору.

И кто придумал положить на полу ковровые дорожки такого дурацкого синего цвета?!

Глава 5

После уроков мы, как и договаривались, встретились в рекреации.

Я села неподалеку от Артура, а Димка включил камеру и устроился напротив нас.

Только сейчас я обратила внимание, какие у Артура ухоженные руки. Бледные тонкие пальцы выглядят очень аристократично, на указательном – красивый перстень с черным, как кусочек ночи, камнем. Ногти его тоже казались идеальными. Даже легкая небрежность в прическе была не случайной, а отражала, как я понимаю, последние тенденции молодежной моды. У любого другого это все, возможно, выглядело бы нарочито, но ему почему-то удивительно шло и, главное, казалось естественным, единственно правильным.

– Артур, – начала я интервью, – когда у тебя день рождения и кто ты по знаку Зодиака?

– В начале мая. Я тебя приглашу, – ответил он так серьезно, что я даже растерялась. – Я Телец, если ты веришь в астрологию.

– А если не верю? – не смогла удержаться я от вопроса.

– А если не веришь – то тигр.

– Ты намекаешь, что в каждом из нас есть и хищник, и жертва?

– Вовсе нет. – Он смотрел на меня по-прежнему серьезно,

и я заметила, что его темные вишневые глаза не моргают. – Скорее только один.

– И ты считаешь себя хищником? Почему?

– Потому что быть жертвой – жалкая роль. А я привык получать то, что хочу.

– А что ты хочешь?

Он посмотрел на меня и покачал головой:

– Вторая попытка.

– Хорошо, – согласилась я, – возможно, ты расскажешь нам о своих увлечениях?..

– Боюсь, ничего особенного. Книги. Музыка. Что еще остается?

– А что ты больше всего любишь?

– Смотреть, как восходит солнце, – неожиданно ответил он.

И я вздрогнула, вспомнив, как стояла, глядя на восходящее солнце, утром первого сентября.

– Ты романтик? – спросила я просто для того, чтобы что-то сказать.

– Не люблю таких слов. В чем-то романтик, а в чем-то – нет.

Мы еще немного поговорили об Англии и школе, в которой он учился, Артур обещал выслать мне фотографии, которые мы сможем использовать при подготовке передачи, и на этом интервью было завершено. Не самое, прямо скажу, удачное из всех. Я до сих пор почему-то продолжала робеть

и теряться в обществе Артура.

Димка выключил камеру и принялся ее зачехлять, поглядывая на меня.

– Теперь твоя очередь, – напомнил мне Артур.

Я робко взглянула на Димку.

– Мы договорились с Артуром, что я в свою очередь тоже отвечу на его вопросы, – объяснила я. – Хочешь, останься с нами.

– Нет, я пойду, – буркнул Фролов и ушел, ни разу не оглянувшись.

Я смотрела в его прямую, напряженную спину и почему-то чувствовала себя ужасно виноватой. Интересно почему? Артур же не звал меня на свидание, а если бы даже позвал, Димка мне только друг. Я могу встречаться с кем пожелаю. Но чем больше я уговаривала себя, тем беспокойнее становилось на душе.

Я очнулась от задумчивости и увидела, что Артур внимательно разглядывает меня, словно попавшую под микроскоп диковинную букашку.

– Ну что ты хотел спросить? – пошла в наступление я.

– Может, не здесь? Я знаю одно уютное кафе. Это недалеко, на Арбате.

Конечно, любая девчонка поедет с ним куда угодно.

Но только не я.

Я уже открыла рот, чтобы сообщить ему об этом, но тут Артур вдруг встал и, глядя куда-то в конец коридора, сказал:

– Кажется, Виола. Ты же не хочешь, чтобы она присоединилась к нашей беседе?

– Поехали, – быстро согласилась я.

– Тогда прячься. – Артур подмигнул мне, и мы, не сговариваясь, нырнули за спинки кресел.

В коридоре уже вовсю стучали каблучки, и я пригнула голову пониже, стараясь, чтобы меня не было видно.

Боже мой! Я не занималась этим, наверное, с третьего класса!

Виола прошла мимо нас, не заметив, и Артур, осторожно выглянув из-за кресла, таинственно поманил меня рукой.

– Пошли быстрее! – прошептал он.

И мы, как персонажи какого-нибудь фильма про спецгентов, которым нужно проникнуть на вражескую базу, тихо выскользнули из рекреации и, получив у классной пропуск на выход из школы, покинули alma mater и оказались у ворот, где уже ждал черный «Роллс-Ройс».

– Садись, – сказал Артур, распахнув передо мной заднюю дверцу.

Поколебавшись несколько секунд, я села на мягкое сиденье, и дверь за мной захлопнулась.

Весь салон автомобиля был оформлен в контрастной черно-серебристой гамме. Сзади, вместо привычного диванчика, располагались удобные кресла, обтянутые матовой черной, очень приятной на ощупь кожей. Откинувшись на спинку, я вдохнула запах кожи и тот волнующий пряно-древес-

ный аромат, который всегда сопровождал Артура, и почувствовала, как по моей спине пробежали мурашки.

Тем временем едва слышно хлопнула дверца – это сел на свое место Артур. Машина совершенно беззвучно тронулась.

– В «Элис», – коротко бросил Артур, и я поняла, что возит его не отец, а персональный шофер.

Я плохо разглядела человека за рулем, да и что его, собственно, разглядывать: обыкновенный темноволосый мужчина лет, может быть, сорока. А может, и не сорока – я никогда не разбиралась в возрасте. За всю дорогу он не произнес ни слова.

Я тоже молчала, немного придавленная окружающим величием. Со стареньким отцовским «опельком» не сравнить в любом случае.

Ехали мы, правда, недолго – всего минут десять, кружа по каким-то узким переулкам. Видимо, шофер отлично ориентируется в центре, а я с ужасом думала, как буду искать дорогу к метро. На такси до дома карманных денег ну никак не хватит.

Мы остановились у неприметной двери со скромной вывеской: «ЗАО «Элис». Поглядишь на нее и подумаешь, что за ней скрывается какой-нибудь небольшой офис, и ни за что не заподозришь кафе.

Мы спустились на несколько ступенек вниз и вошли в полуподвальное помещение.

Обставлено оно было в средневековом стиле – каменный пол, облицованные крупными серыми камнями стены, мощные дубовые столы, у которых вместо привычных стульев или кресел стояли массивные скамьи, и, конечно же, большой красивый камин – совершенно настоящий, с дровами. Освещался зал несколькими тусклыми лампами, свисавшими с потолка на толстых железных цепях. А в его углах прочно обосновалась тьма.

Посетителей тут почти не было. Я разглядела всего двоих мужчин в углу.

– Сюда ходят только свои, – пояснил Артур, видя мое недоумение. – Выбирай место.

Не знаю почему, но мне вдруг показалось, что все – и беседующие за бокалом вина мужчины, и огромный гороподобный охранник, и застывший в почтительной позе метрдотель – на самом деле внимательно наблюдают за мной.

Хотя, конечно же, только показалось. Подобный эффект бывает, когда наденешь что-нибудь новое и тебе так и мерещится, будто все встречные смотрят только на твою персону.

И все-таки я выбрала самый дальний угол зала, села на лавку, на мягкую подушку. Стена, служившая мне спинкой, тоже, к большой неожиданности, оказалась мягкой. Суперское дизайнерское решение – сделать подушки в виде камней. С ним поспорит разве что идея делать камни в виде подушек.

Долговязый официант принес нам меню в огромной папке

из кожи, с резными золотистыми накладками.

Цен в меню почему-то не было – только названия блюд.

– Кафе принадлежит друзьям моего отца, – вновь заговорил Артур. – Выбирай что понравится. Это угощение.

Артур заказал себе коктейль. Я взяла кофе по-ирландски и тирамису. Ну что поделать, если сладкое – моя слабость. Да, я люблю пирожные, но, как говорит мама, все не впрок: как была тощей, так и осталась.

В кафе играла тихая, едва слышная музыка, потрескивали поленья в камине, и мне вдруг стало спокойно и очень уютно.

Заказ принесли минуты через две. Вот что значит обслуживание для своих!

Я заметила, что официант очень почтителен к моему спутнику и явно видит его не первый раз.

– Славное место, – сказала я, приподнимая изящный бокал кофе, чтобы разглядеть его поближе. Он был немного влажный, и на деревянной поверхности стола отпечатался круг.

– И не думай приходить сюда без меня, – предупредил Артур. – Здесь только для своих. Можно сказать, спецобслуживание.

– Понятно, – пробормотала я, хотя, по правде сказать, ничего не поняла.

– Ну рассказывай, – сказал мне Артур и приготовился слушать, с удовольствием расположившись на своей лавке и потягивая через трубочку густой то ли клубничный, то ли вишне-

вый коктейль.

Я тоже отпила немного кофе. Божественно! Наклонилась к бокалу, вдохнула аромат, слизнула с ложечки немного взбитых сливок...

А жизнь-то, оказывается, прекрасна. И весьма удивительна. Думала ли я еще хотя бы неделю назад, что буду сидеть в чудесном кафе, наслаждаясь ароматнейшим кофе и глядя в глаза, наверное, самого красивого парня, какого я когда-либо встречала.

– Полина, – снова заговорил он, поняв, что я не спешу «рассказывать», – а о чем ты мечтаешь? Только не говори, что быть журналисткой. С момента нашего знакомства ты в той или иной форме повторила это не менее трех раз.

– Что, правда? – я растерялась.

– А ты сама посчитай, – предложил он, – но у тебя же есть заветная мечта?

Я ожидала от него чего угодно, только не этого. Я мечтала о многом. О том, чтобы меня любили, чтобы в классе ко мне перестали относиться как к смешной приبلудной собачонке, чтобы у родителей было больше свободного времени, чтобы я вдруг волшебным образом превратилась в красавицу, а на земле не случилось катастроф и не было одиноких бродячих собак и кошек – чтобы у них у всех обязательно были заботливые и любящие хозяева... Но одно звучало глупо, другое – слишком высокопарно, третье – сразу было видно, относилось к области самой ненаучной на свете фантастики. И все

в целом сводилось к одному.

– Все просто, – ответила наконец я, – я мечтаю о счастье. Он кивнул, будто это туманное объяснение его вполне устроило.

– А что для тебя значит дом?

Совсем не характерный вопрос для богатенького благополучного мальчика.

– Ну, – задумалась я, – дом – это место, где всегда тепло. Я знаю, что родители любят меня такой, какая я есть. Это место, где можно укрыться от всех непогод.

– Расскажи, – попросил он, и я увидела в его глазах настоящую печаль. (Ну ему-то что печалиться о доме?! У него же все есть? Или...)

И я, удивленная и растроганная его вниманием и сочувствием, принялась рассказывать. Слова, как река, сметающая на своем пути все запруды, полились из моего горла.

Обычно я очень осторожна и, привыкнув ко всяким школьным подлянкам, стараюсь максимально закрыться, прячусь, как улитка, в панцирь холодности и равнодушия.

Но сейчас я рассказала ему все. Про родителей, и про Джима, и про всякие пустяки и мелочи, которые случались у меня в жизни. Даже ту историю с котенком, которая тяжелым камнем лежала у меня на сердце.

Мне тогда было десять лет, и однажды я нашла на улице крохотного котенка, пищущего так жалобно, что у меня чуть не разорвалось сердце. Я подобрала его, посадила под куртку

и принесла домой. В тот день ни отца, ни матери не было. Я положила его на диван, налила в блюдечко молоко и нарезала колбасы. Котенок жадно все съел, а потом у него начались приступы жестокой рвоты.

Когда вернулись родители, я рыдала над его уже начавшим остывать тельцем. Я до сих пор ужасно виню себя в этой смерти и, хотя родители тогда всячески пытались успокоить меня, в глубине души думаю, что, если бы не я, он бы еще мог жить.

Когда я рассказывала это, Артур сжал мою руку в своих сильных ладонях. Он ничего не говорил, но я чувствовала, что он не остался равнодушен, что мои слова глубоко его волнуют.

– Нельзя винить себя во всех смертях на свете, – сказал он, доставая из салфетницы бумажную салфетку и промокая с моих щек слезы. – Смерть бывает безобразна, бывает страшна, а бывает, что она становится избавлением. Знаешь, как воздушный шарик, когда отпускаешь нитку, поднимается ввысь, к небесам. Хотя легче принять собственную смерть, чем смерть тех, кто тебе действительно дорог...

В его словах прозвучало что-то очень личное, и я догадалась, что в его жизни были жестокие потери. Возможно, не я, а именно он имеет полное право на сочувствие, но не ищет, не требует его.

– Я хотела бы стать такой же сильной, как ты. – Я смотрела в его глаза, позабыв о давно остывшем кофе да и, если на то

пошло, обо всем мире.

– Нет, только не такой. И не подобной ценой, – ответил он и приложил палец к моим губам, – погоди, не говори ничего.

И мы сидели так близко друг от друга, слушая треск дровосины в камине, позабыв о времени и привычной суете.

Я смотрела в его глаза, сияющие едва различимым светом, окутывающие меня пеленой тепла и заботы, и на тень лампы на стене, и на узорную решетку старого камина, и сердце мое плавилось от нежности.

Никогда в моей жизни еще не было такого прекрасного вечера.

Признаюсь, я ожидала, что этот разговор сблизит меня с Артуром, но в школе он по-прежнему оставался холоден, будто мы и не проговорили столько времени. Будто не сидели в кафе друг напротив друга, слушая тихую манящую музыку и глядя на всполохи огня в почерневшем закопченном камине.

Он, как раньше, держался рядом с Виолой. И она, видимо, расстаравшись ради него, все эти дни выглядела даже лучше, чем обычно. Она немного изменила макияж и еще ни разу с начала учебного года не появилась в классе в одном и том же наряде.

Да и других девчонок рядом с ним всегда было полно. Они толпились вокруг Артура, заглядывали ему в глаза и так и норовили хоть чем-то обратить на себя его внимание. Одна-

ко я не замечала, чтобы он кого-нибудь поощрял. Он держался скорее холодно и отстраненно.

И вправду, зачем ему при такой массе поклонниц бледная моль вроде меня? Поболтали как-то от нечего делать – и ладно. Хотя несколько раз я ловила на себе его пристальный взгляд. Наверное, он просто любопытствовал, почему я еще не присоединилась к его фан-клубу.

И это его равнодушие и холодное любопытство ужасно меня задевали.

«Ну неужели у него нет горячего человеческого сердца?! Неужели всем богатеньким наследникам еще в детстве вырезают его из груди – просто так, на всякий случай?!»

Я наблюдала за Артуром. Он всегда был спокоен, отстранен и ужасно загадочен. Что скрывалось за этим высоким бледным лбом, оставалось тайной за семью печатями. Даже глаза – зеркало души – будто ничего не отражали. По крайней мере, я не обладала умением в них читать.

Порой, когда он смотрел на меня, по коже пробегали мурашки и хотелось убежать, спрятаться, укрыться от этого безжалостного взгляда. Иногда мне казалось, что я – шкатулка, которую он хочет взломать. Просто так, из мальчишеского любопытства посмотреть: а что же там внутри? Вначале я отчаянно сопротивлялась, а потом вдруг поняла, что нужно, наоборот, расслабиться и представить, будто нас что-нибудь разделяет. Например, толстая ледяная стена. Я воображала ее себе в мельчайших подробностях – гладкую, переливаю-

шуюся всеми цветами радуги на холодном северном солнце. Я не смотрела Артура в глаза, а разглядывала эту стену до тех пор, пока мне не становилось действительно холодно.

Учился Артур хорошо, но как-то без огонька. Он не стремился продемонстрировать свои познания, однако, когда его спрашивали, отвечал весьма толково. Неудивительно, что языками – английским и французским – он владел если не в совершенстве, то, на мой взгляд, весьма близко к нему. Неожиданно обнаружилось, что и в точных науках он имеет весьма обширные познания.

Честно сказать, я никогда не видела столь гармонично и всесторонне развитого человека.

Я смотрела на него и пыталась найти хоть какую-нибудь отрицательную черту. Даже его гордость и отчужденность отчего-то представлялись мне достойными уважения. Он не заискивал ни перед кем в классе и, когда Олег Бергов – наш классный Наполеон – попытался его задирать, живо поставил его на место, всего лишь небрежно бросив пару слов. Глядя на них, у меня создалось ощущение, что Артур – по-настоящему взрослый, а Олег для него – ребенок, который не стоит внимания.

– Да что вы нашли в этом новеньком? Ну, тачка у него крутая, и что? – говорил Олег, разумеется, когда Артура не было рядом.

И, к моему огромному удивлению, за Артура тут же вступилась Виола. Раньше за ней такого не водилось.

– Не только тачка, – сказала она, глядя на Олега сверху вниз – и это при том, что сама была ниже его ростом. – Придется кому-то смириться, что появился некто круче и умнее, чем он!

Это один из редких случаев, когда я была полностью согласна с Виолой.

Однако поведение Артура меня смущало. Не похоже, чтобы он стремился занять место Олега и стать лидером класса. Одевался он очень дорого, однако не придавал одежде слишком уж большого значения и не трепался о дизайнерах и о тряпках.

Загадочность – вот что скорее всего определяло всю его личность. Я никогда не встречала столь таинственного и странного человека, и это влекло меня, как дикаря – блестящая игрушка. Когда Артур разговаривал с ребятами – слегка небрежно, рассеянно, я никак не могла избавиться от ощущения, что в это время он обдумывает что-то свое, безусловно, очень важное.

И еще одна странность: он никогда не ел вместе с нами. Честное слово, кормят у нас весьма прилично, я бы даже сказала: вкусно, но он, если даже брал что-нибудь, только поковыряет вилкой – и отставит в сторону. Насколько я заметила, пил он только коктейль, который смешивал себе сам. Возможно, он все-таки был метросексуалом и заботился о фигуре, а может, у него имелись проблемы с желудком. Кто знает? Во всяком случае, не я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.